

Действующие лица:

ЛЮЛЮКИН – фолерист, КОРОЛЬКОВА – деревенская красавица, БИРЮКОВ – тип с замашками начальника, БАСКИН – симпатичный тип, БАГРЕЦОВ – несимпатичный тип, ЯКОВ – услужливый тип, ТУМАКОВ – поручик с заливчатскими усами, 1-ый ПАРТИЗАН, 2-ой ПАРТИЗАН, 1-ый ВЫПИМШИЙ, 2-ой ВЫПИМШИЙ, ВЫПИМШАЯ, ПЕТРОВИЧ – продавец, ПОКУПАТЕЛЬ – вежливый тип средних лет

Действие первое

Фойе небольшой гостиницы. Яков у стойки протирает стаканы. Рядом читают газету Бирюков, Багрецов, Баскин. За столиком пьют вино выпимшие и выпимшая. Старинные часы на стене показывают 20 часов 15 минут. Под часами – закрытая дверь в номер

БИРЮКОВ (*читает*). Черноземельск в скором времени может лишиться нескольких наиболее знаковых топонимов советского времени. Как нам стало известно из достоверных источников, в мэрии рассматривается вопрос о переименовании ряда городских объектов. Речь, в частности, идет о Ленинградском вокзале, Советском рынке, улице Блюхера... (*Багрецову, Баскину*). Нет, ну что это такое? Во всем городе нормальной работы днём с огнём не сыщешь, а они чуть ли не каждый день улицам названия меняют. Лучше бы подштанники себе чаще меняли! Советский рынок им, видите ли, не нравится! А зарплаты им наши нравятся? А размер пособия по безработице? Засранцы! (*Читает*). С такой просьбой к мэру обратилась инициативная группа, состоящая из депутатов городского собрания, ветеранов труда, представителей творческой интеллигенции. (*Входная дверь открывается, появляется Люлюкин*). Против этой инициативы выступил местный диссидент Бирюков (*Не поднимая головы, Бирюков тычет пальцем в грудь*.) заявивший, что подобные действие властей могут окончательно перессорить граждан города, после чего подверг жесткой критике практику нововведений.

ЛЮЛЮКИН. Простите! Это улица Центральная?

БИРЮКОВ (*Люлюкину*). Это пока еще улица Центральная. А скоро будет, черт знает какая!

ЛЮЛЮКИН. Мне сказали: где-то здесь находится гостиница.

ЯКОВ. Да, да, вы не ошиблись. Проходите, пожалуйста. Не стойте у порога – дует.

Люлюкин подходит к Якову

БИРЮКОВ (*читает*). Также весьма скептически отнесся к намерениям мэрии Черноземельска переименовать улицы города лидер коммунистов – Багрецов, (*Не поднимая головы, Бирюков тычет пальцем в сторону Багрецова.*) заявивший на встрече с пенсионерами, что делать этого не стоит, поскольку черноземельцы, привыкшие к старым существующим много лет названиям, вряд ли с восторгом воспримут новые.

Баскин дружески похлопывает Багрецова по плечу

БАСКИН. Правильно, Багрецов!

ЛЮЛЮКИН (*Якову*). И не подумаешь, что здесь гостиница. Больше похоже на склад.

ЯКОВ. Петрович тоже так считает.

ЛЮЛЮКИН. Кто такой Петрович?

ЯКОВ. Хозяин наш.

БИРЮКОВ (*читает*). А вот лидер профсоюзного движения Баскин (*Не поднимая головы, тычет пальцем в сторону Баскина.*) и вовсе заявил, что подобные инициативы сознательно вбрасываются местными властями, дабы отвлечь горожан от насущных проблем Черноземельска.

Багрецов дружески похлопывает Баскина по плечу

БАГРЕЦОВ. Молодец, Баскин! Верно подметил.

ЛЮЛЮКИН (*Якову*). Мне бы одноместный номер. Найдется?

ЯКОВ. Да, конечно... Позвольте узнать вашу фамилию?

ЛЮЛЮКИН. Люлюкин. Люлюкин Евгений Степанович.

ЯКОВ (*записывает*). Откуда к нам приехали?

ЛЮЛЮКИН. Из Питера.

ЯКОВ (*записывает*). В командировку?

ЛЮЛЮКИН. Нет, я сам по себе... Я фолерист.

ЯКОВ (*поднимает голову*). Простите?

ЛЮЛЮКИН. Фолерист. Собираю знаки, значки, медали, ордена. В общем, всё, что можно повесить на грудь. У вас, кстати, ничего такого нет? Я хорошо заплачу.

ЯКОВ. Минуточку. Что-то у меня тут вроде было...

Яков достаёт орден Красное Знамя и Георгиевский крест. Передаёт Люлюкину

ЛЮЛЮКИН. Ого! Орден Красное знамя... Георгиевский крест... *(Шепчет под нос.)* Эмалевый, с лавровой ветвью на ленте, офицерский... Хорошо. *(Якову)*. Сколько просите?

Яков шепчет на ухо Люлюкину. Люлюкин, недовольно качая головой, достаёт из кармана деньги, пересчитывает, передает Якову. Забирает ключ от номера

БИРЮКОВ. Если дело так пойдет и дальше, то вместо улицы Карла Маркса, у нас скоро появится улица Рокфеллера. А вместо Коммунистической – Капиталистическая!

БАГРЕЦОВ. Капиталистическая... Тьфу! Язык не поворачивается эдакую-то мерзость произнести.

ЛЮЛЮКИН *(Якову)*. Куда мне идти? Где мой номер?

1-ый ВЫПИМШИЙ *(Люлюкину)*. Тут всего один номер.

2-ой ВЫПИМШИЙ. Да. И тот нехороший.

ВЫПИМШАЯ. И одна на весь город гостиница.

БИРЮКОВ. Вот о чем я и говорю! Вместо того чтобы новые гостиницы строить, они старые улицы переименовывают! *(Отбрасывает газету)*. Зла не хватает!

ЛЮЛЮКИН. Простите, что значит, нехороший?

2-ой ВЫПИМШИЙ. Это значит, плохой.

ВЫПИМШАЯ *(2-ому выпимшему)*. А что значит, плохой?

2-ой ВЫПИМШИЙ. Это значит, что люди то исчезают там, то появляются невесть откуда.

1-ый ВЫПИМШИЙ. Это как?

2-ой ВЫПИМШИЙ. Не знаю. Но без бутылки в этом деле не разобраться. Даже не думай.

1-ый ВЫПИМШИЙ. Понял. Не буду. Наливай!

ВЫПИМШАЯ. Вы давайте скорее, Петрович должен подойти.

1-ый ВЫПИМШИЙ. Ничего, успеем.

Люлюкин направляется к двери в номер. Смотрит на настенные часы, на наручные

ЛЮЛЮКИН (*Якову*). У вас часы стоят.

ЯКОВ. Да?

ЛЮЛЮКИН. Посмотрите сами. Сейчас восемнадцать тридцать, а на этих – двадцать пятнадцать.

БАГРЕЦОВ. Так это они не время, год показывают – две тысячи пятнадцатый.

ЛЮЛЮКИН. Кстати о времени. Вашему Черноземельску сколько лет будет?

БАСКИН. Много.

ЛЮЛЮКИН. А точнее?

БАГРЕЦОВ. Да кто ж его знает? Но до революции он уже стоял.

ЛЮЛЮКИН. Да ну?

БИРЮКОВ. Стоял, стоял. Мой прадед в двадцатом году здесь мятеж подавлял.

ЛЮЛЮКИН. Какой мятеж?

БИРЮКОВ. Антоновский. Гражданская война кончилась, а тут, понимаешь, зеленые – кулаки по-нашему – Черноземельск захватили, власть свою установили. Ну да мы им у станции Инжавино показали: кто в России хозяин. Всех положили!

ЛЮЛЮКИН. Стало быть, и купцы, и богатые люди тут в свое время водились?

БИРЮКОВ. А то как же!. Было дело.

ЛЮЛЮКИН. Это хорошо.

Люлюкин входит в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие второе

Старинные часы на стене показывают 19 часов 20 минут. Яков у стойки протирает стаканы. Рядом читают газету красноармейцы Бирюков, Багрецов, Баскин. У каждого – винтовка со штыком. За столиком пьют вино выпимшие и выпимшая. Из окна доносятся крики и выстрелы

БИРЮКОВ (*читает*). Блюхер – бывший сормовский рабочий, председатель Челябинского ревкома, объединив под своим командованием несколько разрозненных красноар-

мейских и партизанских отрядов, совершил дерзкий переход в полторы тысячи верст по Уралу, ведя ожесточенные бои с белогвардейцами...

БАГРЕЦОВ. Орел!

БИРЮКОВ (*читает*). За храбрость, беззаветную преданность революции и рабоче-крестьянской власти он был первым, кого всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов представил к ордену Красное Знамя РСФСР... Во как!

БАСКИН. Заслужил! Что тут скажешь?

Дверь из номера открывается, появляется Люлюкин

БИРЮКОВ. Да? А я, по-твоему, не заслужил? Я что, меньше его контр шлёпнул?

БАСКИН. Да ладно тебе, Бирюков, гундеть! Ты вон, давай, читай лучше. С выражением! А то бубнишь, как пономарь с перепоя.

БИРЮКОВ (*читает*). Президиум ВЦИК постановил: второй орден Красное Знамя присудить товарищу Панюшкину, третий – комдиву Миронову и сделать о них соответствующий доклад на заседании ВЦИК.

БАГРЕЦОВ. А четвертый, я слышал, товарищу Нестору Махно дали.

БИРЮКОВ. Я вот другого, братцы, не понимаю. Доколе будут награждать одних командиров? Когда ж о нас, простых борцах за дело революции, вспомнят?

Бирюков, Багрецов, Баскин замечают Люлюкина

БАГРЕЦОВ. Это еще кто?

БАСКИН. А ну, стоять!

БИРЮКОВ. Ты кто такой будешь?

ЛЮЛЮКИН. Люлюкин. Люлюкин Евгений Степанович. Я уже представлялся.

БАГРЕЦОВ. Из бывших?

ЛЮЛЮКИН. Из каких бывших? Я фолерист.

БАГРЕЦОВ. Кто?

Красноармейцы смеются. Люлюкин смотрит на настенные часы

БИРЮКОВ. Откуда ты такой смешной выискался?

ЛЮЛЮКИН (*задумчиво, не отводя взгляда от часов*). Из Питера... Какой сейчас год?

Бирюков, Багрецов, Баскин удивленно переглядываются

БИРЮКОВ (*Люлюкину*). А ну-ка, мил-человек, подыми руки.

ЛЮЛЮКИН. Зачем?

БИРЮКОВ. Обыскивать буду. Подыми, подыми. Не бойся, я не щекотно.

Люлюкин поднимает руки. Бирюков бьет под дых кулаком

ЛЮЛЮКИН (*задыхаясь*). Я понял: двадцатый.

БИРЮКОВ. Правильно понял. Молодец.

Бирюков обыскивает Люлюкина. Находит орден Красное Знамя

Что это?

ЛЮЛЮКИН (*задыхаясь*). Орден Красное знамя.

БИРЮКОВ. Да ты что! Неужто тот самый? Откуда?!

ЛЮЛЮКИН (*после паузы, решительно*). От товарища Ленина. Владимир Ильич дал мне его с наказом разыскать и лично вручить герою гражданской войны красноармейцу Бирюкову... Вы случайно не знаете, где его найти?

БИРЮКОВ (*растерянно*). Так... Это ж... Что ж... Как не знать! Я – Бирюков!

ЛЮЛЮКИН (*нарочито удивленно*). Вы?

БИРЮКОВ. Я!

ЛЮЛЮКИН. Не может быть?

БИРЮКОВ. Может! Может! Кого хошь спроси! (*Багрецову, Баскину.*) Братцы, подтвердите товарищу из Питера!

Багрецов с Баскиным отворачиваются

Братцы?!

ЛЮЛЮКИН. Ладно, верю... Ну что ж: заслужил – носи! *(После торжественной паузы.)* За храбрость, за беззаветную преданность революции и рабоче-крестьянской власти орденом Красное Знамя РСФСР награждается герой гражданской войны товарищ Бирюков! Слава ему! Ну же! Вместе!

БАГРЕЦОВ, БАСКИН *(нехотя)*. Слава.

Люлюкин прикрепляет к гимнастёрке Бирюкова орден

ЛЮЛЮКИН. Слава!

БАГРЕЦОВ, БАСКИН *(нехотя)*. Слава.

ЛЮЛЮКИН *(двигается в сторону номера)*. Слава!

БАГРЕЦОВ, БАСКИН *(громче)*. Слава!

ЛЮЛЮКИН. Слава!

Люлюкин вбегает в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздаётся громкий скрежет

Действие третье

Старинные часы на стене показывают 20 часов 15 минут. Яков у стойки протирает стаканы. Рядом читают газету Бирюков, Багрецов, Баскин. Бирюков одет в дорогой костюм. За столиком пьют вино выпимшие и выпимшая. Дверь из номера открывается, показывается Люлюкин

БИРЮКОВ *(читает)*. Черноземельск в скором времени может лишиться нескольких наиболее знаковых топонимов советского времени. Как нам стало известно из достоверных источников, в мэрии рассматривается вопрос о переименовании ряда городских объектов. Речь, в частности, идет о Ленинградском вокзале, Советском рынке, улице Блюхера... *(Багрецову, Баскину.)* Давно надо было этим заняться. Нет, ну что это такое – Советский рынок? Смех! Рынок и Советская власть понятия несовместимые!

БАГРЕЦОВ. Не согласен.

БИРЮКОВ. А мне наплевать! *(Читает.)* С такой просьбой к мэру Бирюкову *(Не поднимая головы, Бирюков тычет пальцем в грудь.)* обратилась инициативная группа, состоящая из депутатов городского собрания, ветеранов труда, представителей творческой ин-

телигенции. Против этой инициативы выступили коммунисты. Их лидер – Багрецов (*Не поднимая головы, Бирюков тычет пальцем в сторону Багрецова.*) заявил, что подобные действие властей могут окончательно перессорить граждан города, после чего подверг жесткой критике практику нововведений... (*Багрецову, Баскину.*) Знаете, чем занимается кот, когда ему делать нечего? Правильно! Тем же самым занимаетесь вы, товарищи коммунисты и им сочувствующие. Болтать все мы умеем. А надобно не болтать – работать! Работать, не болтать!

БАГРЕЦОВ. Не согласен.

БИРЮКОВ. А мне наплевать! (*Читает.*) Лидер профсоюзного движения Баскин (*Не поднимая головы, Бирюков тычет пальцем в сторону Баскина.*) и вовсе заявил, что подобные инициативы сознательно вбрасываются местными властями, дабы отвлечь горожан от насущных проблем Черноземельска.

Багрецов дружески похлопывает Баскина по плечу

БАГРЕЦОВ. Молодец, Баскин! Верно подметил.

БИРЮКОВ. Баскин! Вот честно тебе скажу, как на духу. Не будь я мэром, врезал бы тебе сейчас по профсоюзным мозгам, не поленился!

БАСКИН (*испуганно*). А я чего? Я ничего! Это все журналисты переврали!

БИРЮКОВ. Ты из чьих рук ешь? Ты на кого голос поднял? (*Замахивается кулаком.*)

ЛЮЛЮКИН. Извините, я, кажется не вовремя?

БИРЮКОВ (*Люлюкину*). Нет, нет, все нормально. Что вы хотели?

ЛЮЛЮКИН. Видите ли, со мной только что произошла странная история... Я зашел к себе в номер, потом, значит, вышел и, не поверите, оказался в двадцатом году.

БИРЮКОВ. Яков! Я сколько раз говорил, чтобы водку после восьми не продавали?

ЯКОВ (*торопливо*). Как можно, господин мэр? Да разве б я, без вашего на то разрешения... Вы ж меня знаете!

БИРЮКОВ. Знаю! Потому и говорю: еще раз подобное случится, выгоню!

ЛЮЛЮКИН (*Бирюкову*). Яков здесь совершенно не причем. Клянусь вам! Я вовсе не пьян, и я действительно побывал в двадцатом году!

БАСКИН (*смеется*). Я вот тоже, когда профсоюзную делегацию из Москвы принимал, до того надрался, что на третий день натурально думал, будто угощаю послов татаро-монгольского хана – до того они, ненасытные, меня замучили!

ЛЮЛЮКИН. Да нет же, я вправду...

БИРЮКОВ (*Багрецову, Баскину*). Ну, так вот. Вы, наверно, господа хорошие, не знаете, но народ уже не хочет жить на улицах с именами сомнительных личностей. Ему теперь подавай настоящего героя, с громкой исторической фамилией.

БАСКИН. Такого, как ваш прадед – Бирюков.

БИРЮКОВ. Да. Я бы, кстати, с радостью назвал его именем еще чего-нибудь, да уж некуда. Улица Бирюкова есть, школа есть, библиотека есть, фабрика была, да закрыли...

ЛЮЛЮКИН (*Якову, зевая*). Скучно у вас.

ЯКОВ. Да... Невесело.

ЛЮЛЮКИН. Скажите, а как тут с женщинами. В смысле общения.

ЯКОВ. Так же... Невесело.

ЛЮЛЮКИН. Понятно.

Входная дверь открывается, появляется Королькова

КОРОЛЬКОВА. Это гостиница, что на улице Бирюкова?

БИРЮКОВ. Не Бирюкова, а героя гражданской войны Бирюкова. Орденосца!

ЛЮЛЮКИН. Пойдите, пойдите! Какого еще Бирюкова? Это же улица Центральная!

БАСКИН. Центральной она была в году эдак двадцатом! А теперь – Бирюкова!

КОРОЛЬКОВА. Так. Я не поняла. Это гостиница?

ЯКОВ. Гостиница. Только свободных номеров у нас нет.

КОРОЛЬКОВА. Как нет?

ЯКОВ. Так вот. Нет и всё.

КОРОЛЬКОВА. Где ж я ночевать-то буду? Последний автобус в Митяевку час назад ушел. А следующий только завтра обещали.

ЯКОВ. Не знаю, не знаю. Был у нас один номер, да его вот, (*кивает на Люлюкина*.) господин фолерист занял.

КОРОЛЬКОВА. Так что же мне теперь? На улице, прикажешь, спать?

ЛЮЛЮКИН (*Корольковой*). Э-э-э... Позвольте узнать ваше имя.

КОРОЛЬКОВА (*недоверчиво*). Зачем?

ЛЮЛЮКИН. Видите ли, у меня в номере стоят две кровати. Одна – у окна, другая – напротив. Так вот, одну из них я готов уступить вам.

КОРОЛЬКОВА (*внимательно рассматривает Люлюкина*). А вы вроде ничего – обходительный... симпатишный... Приставать будете?

ЛЮЛЮКИН. Ну что вы? Как можно?!

КОРОЛЬКОВА. Да? Ну, ладно. А то смотрите, рука у меня тяжелая, натруженная – врежу, мало не покажется. (*Яков.*) Тут недавно сосед мой, Санька, его еще в деревне за дурной ндрав Колчаком прозвали, силком меня взять вздумал. Так я ему так дала, что он, зараза, с неделю разогнуться не мог.

ЛЮЛЮКИН. Охотно верю. Только зря вы так. Женщина должна быть ласковой, нежной, хрупкой. В слабости ваша сила, сила в вашей податливости.

КОРОЛЬКОВА (*придвигается к Люлюкину*). Ой, как вы хорошо говорите. А скажите еще что-нибудь. Про меня.

ЛЮЛЮКИН. Вы необыкновенная.

КОРОЛЬКОВА. Правда?

ЛЮЛЮКИН. За вами хочется ухаживать, защищать, говорить красивые слова, дарить цветы и только изредка – я повторяю, изредка! – касаться ваших натруженных рук теплыми, нежными пальцами.

КОРОЛЬКОВА (*протягивает Люлюкину руку*). Касайтесь, пожалуйста, мне не жалко.

ЛЮЛЮКИН. Да. А еще хочется день и ночь разговаривать с вами. Слушать ваш голос, рассматривать ваши бездонные глаза и наблюдать за тем, как они меняют свое выражение в зависимости от того, смеетесь вы или сердитесь, задумчивы или возбуждены, радуетесь или тихо грустите.

КОРОЛЬКОВА. Ой, как это у вас складно получается... Что вы там говорили про вторую койку? Я забыла.

ЛЮЛЮКИН. Я говорил, что готов поделиться всем, что у меня есть... Идемте в номер, я покажу, что у меня есть.

КОРОЛЬКОВА. Так вы ко мне пристааете?

ЛЮЛЮКИН. Нет, нет, что вы!.. Ну, то есть, да, кажется, пристаю.

КОРОЛЬКОВА (*вздыхает*). И что ж вы ко мне все пристааете-то?

ЛЮЛЮКИН (*тянет ее*). Ну же. Идемте.

КОРОЛЬКОВА. Идемте. Я не умею говорить мужчинам: нет.

Люлюкин и Королькова входят в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие четвертое

Часы на стене показывают 19 часов 37 минут. Яков за стойкой протирает стаканы. Рядом стоят в кожаных тужурках, читают газету Бирюков, Багрецов, Баскин. У Бирюкова на груди – орден Красное Знамя. За столиком пьют вино выпимшие и выпимшая

БИРЮКОВ (*читает*). Колхозники и колхозницы, выступавшие в качестве свидетелей, развернули перед советским судом жуткую картину беззаконий, творимых врагами народа. Рассказывая о чудовищных преступлениях оголтелой шайки фашистских бандитов, они выражали единодушное требование трудящихся всего Черноземельского района – уничтожить мерзавцев, покушавшихся на счастливую колхозную жизнь.

Дверь из номера открывается, появляется растрепанный Люлюкин

ЛЮЛЮКИН. Что за женщина – никогда такой не встречал. Ураган! Тайфун! Смерч! Голова кружится... Вот повезло – искал ордена-медали, а нашел чудо... настоящее чудо.

Дверь из номера открывается, появляется Королькова

КОРОЛЬКОВА (*Люлюкину*). Ну, где же вы? Почему ушли?

Бирюков, Багрецов, Баскин с удивлением смотрят на Королькову с Люлюкиным. Люлюкин с удивлением смотрит на настенные часы

ЛЮЛЮКИН. Девятнадцать три семь. Это что ж получается... Тридцать седьмой год?

БИРЮКОВ (*кашляет в кулак*). Прошу тысячу извинений за беспокойство.

КОРОЛЬКОВ. Вы это ко мне?

БИРЮКОВ. Да, и к вашему кавалеру. Позвольте поинтересоваться. Кто вы?

КОРОЛЬКОВА. Королькова.

ЛЮЛЮКИН (*Бирюкову, задумчиво*). Простите. Что вы сказали?

БИРЮКОВ. Я спросил: ваша фамилия часом не Люлюкин?

ЛЮЛЮКИН. Да, Люлюкин.

БИРЮКОВ. Ну вот! Я так и знал! Смотрю и глазам своим не верю: вы ли это? (*Багрецову с Баскиным.*) Сам товарищ Люлюкин из Ленинграда! Во как! (*Люлюкину.*) Вы меня не узнали? Я Бирюков. По поручению Ильича в двадцатом вы меня вот этим (*тычет себя в грудь.*) орденом наградили... Помните?

ЛЮЛЮКИН. Да, да, что-то припоминаю.

БИРЮКОВ (*Багрецову с Баскиным.*). Семнадцать лет прошло. (*Люлюкину.*) А вы, смотрю, совсем не изменились. Завидую.

КОРОЛЬКОВА. Да и вы мужчина хоть куда.

БИРЮКОВ. Ну... Я, конечно, не совсем молод, но кое на что еще способен. (*Люлюкину.*) Это, простите за нескромность, ваша супружница?

ЛЮЛЮКИН (*торопливо*). Нет, нет.

БИРЮКОВ. Боевая подруга?

КОРОЛЬКОВА. Ой, да какая я ему подруга! Так, встретились недавно... Позвольте узнать: что это у вас за медалька на груди? Красивая!

БИРЮКОВ. Да какая же это, барышня, медалька? Это орден Красное знамя!

КОРОЛЬКОВА. Что вы говорите! А за что вас наградили?

БИРЮКОВ (*смущенно*). Да как вам сказать...

БАГРЕЦОВ (*чеканя каждое слово*). За храбрость и беззаветную преданность рабоче-крестьянской власти!

БАСКИН (*чеканя каждое слово*). За то, что врагов не щадил и друзей в бою берег!

КОРОЛЬКОВА. Ух, ты! Так вы, выходит, герой? (*Расплывается в улыбке.*) И к тому же симпатичный мужчина.

БИРЮКОВ. Вы тоже, я бы сказал, ничего себе... В теле.

КОРОЛЬКОВА (*смущенно*). Ой! Ну что вы. Я сегодня такая растрепанная. Кто вы?

БИРЮКОВ. Офицер НКВД.

КОРОЛЬКОВА. НКВД? Что это?

БИРЮКОВ (*усмехается*). Есть у нас в стране, знаете ли, такая санитарная служба.

КОРОЛЬКОВА. Так вы санитар?

БИРЮКОВ. Я волк! Выгрызаю всех недовольных советской властью.

КОРОЛЬКОВА. Как романтично... А скажите: (*придвигается к Бирюкову*) вы женаты?

БИРЮКОВ. Что вы такое, барышня, говорите? Рядом с вами любой нормальный мужчина не захочет да почувствует себя холостым и свободным.

КОРОЛЬКОВА (*жеманно*). Ой, вы меня совсем смутили.

ЛЮЛЮКИН. Простите! Я хотел бы узнать...

БИРЮКОВ. Да я и сам, признаюсь, немало смущен.

КОРОЛЬКОВА. Отчего так?

БИРЮКОВ. Оттого, что разговор наш сугубо волнителен.

КОРОЛЬКОВА. Правда?

ЛЮЛЮКИН. Позвольте мне все-таки...

БИРЮКОВ. И вообще... Вы весьма даже соблазнительная штучка.

КОРОЛЬКОВА. Да? Как интересно. А вы...

ЛЮЛЮКИН (*Корольковой*). Так! Всё! Хватит! Мне надоело. Я ухожу!

КОРОЛЬКОВА. А! Что? Ах, это вы, Люлюкин? Да, да я поняла...

ЛЮЛЮКИН (*Корольковой*). И не просто ухожу – навсегда!

КОРОЛЬКОВА. Да, да, пока... Свидимся.

ЛЮЛЮКИН. Вот так, да? Ну, ладно.

Люлюкин с решительным видом направляется к двери в номер

Медалька у него, видите ли, красивая! Ну, я ему сейчас покажу медальку!

КОРОЛЬКОВА (*Бирюкову*). Так о чем мы с вами говорили? Ах, да, вспомнила! Вы ко мне, кажется, приставали?

БИРЮКОВ (*удивленно*). Я?

КОРОЛЬКОВА (*вздыхает*). И что ж вы ко мне все пристаёте-то? Это, видимо, оттого, что я не умею говорить мужчинам: нет... Ладно. Скажу об этом, как-нибудь в другой раз.

Люлюкин входит в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздаётся громкий скрежет

Действие пятое

Старинные часы на стене показывают 20 часов 15 минут. Яков у стойки протирает стаканы. Рядом читают газету Бирюков, Багрецов, Баскин. Бирюков одет в дорогой костюм. За столиком пьют вино выпимшие и выпимшая. Дверь в номер открывается, показывается Люлюкин

БИРЮКОВ *(читает)*. Черноземельск в скором времени может лишиться нескольких наиболее знаковых топонимов советского времени. Как нам стало известно из достоверных источников, в мэрии рассматривается вопрос о переименовании ряда городских объектов. Речь, в частности, идет о Ленинградском вокзале, Советском рынке, улице Блюхера... *(Багрецову, Баскину.)* Давно надо было этим заняться. Нет, ну что это такое – Советский рынок? Смех! Рынок и Советская власть понятия несовместимые!

БАГРЕЦОВ. Не согласен.

БИРЮКОВ. А мне наплевать! *(Люлюкин направляется к Яков.)* С такой просьбой к мэру Бирюкову *(Не поднимая головы, Бирюков тычет пальцем в грудь.)* обратилась инициативная группа...

ЛЮЛЮКИН. Состоящая из депутатов городского собрания, ветеранов труда и представителей творческой интеллигенции.

БИРЮКОВ. Правильно.

ЛЮЛЮКИН. Против этой инициативы выступили коммунисты.

БИРЮКОВ. Точно.

ЛЮЛЮКИН. Их лидер – Багрецов – заявил, что подобные действие властей могут окончательно перессорить граждан города.

БИРЮКОВ. Нет, не могут.

БАГРЕЦОВ. А я говорю: могут!

БИРЮКОВ. А я говорю...

ЛЮЛЮКИН. Но хуже всего поступил профсоюзный лидер – Баскин, заявивший, что подобные инициативы сознательно вбрасываются местными властями, дабы отвлечь горожан от насущных проблем Черноземельска.

БАСКИН. Я такого не говорил! Это все журналисты переврали!

ЛЮЛЮКИН *(Бирюкову.)* Вам не кажется, что Баскин забыл, из чьих рук ест?

БИРЮКОВ. Кажется. Ну да ничего, сейчас я ему напомню, не поленюсь.

ЛЮЛЮКИН. Обязательно напомните. *(Якову.)* У вас, я знаю, есть орден Красное Знамя. Продайте. Я хорошо заплачу.

ЯКОВ. Минуточку. Что-то у меня тут вроде было...

ЛЮЛЮКИН *(Бирюкову.)* Ваш прадед, я слышал, герой гражданской войны?

БИРЮКОВ. Да. Причем, заметьте, настоящий.

ЛЮЛЮКИН. И что же такого героического он совершил, хотелось бы знать?

БИРЮКОВ *(усмехается)*. Я бы рассказал вам, да времени, боюсь, не хватит.

ЛЮЛЮКИН. Ну да. Врагов не щадил...

БАСКИН. И друзей в бою берег!

ЛЮЛЮКИН. Понятно. А вот сдается мне, что прадед Баскина тоже был героем.

БИРЮКОВ. Ой, не смешите. Да он, если хотите знать, к сорока давным-давно спился.

БАСКИН. И ничего мой прадед не спился! Так, выпивал понемножку... как все.

ЛЮЛЮКИН. Так это он, наверно, оттого выпивал, что жизнь не удалась. А вот если б его заметили, наградили орденом, тогда б, глядишь, и у него всё по-другому пошло.

БИРЮКОВ (*сухо*). Возможно. Только историю, молодой человек, не обманешь – она каждого расставляет по своим местам.

Яков достает из-под прилавка орден Красное Знамя, передает Люлюкину

ЛЮЛЮКИН (*Бирюкову*). А мы все-таки попробуем. (*Якову*.) Сколько просите?

Яков шепчет на ухо Люлюкину. Люлюкин достает деньги, передает Якову

А еще, господин Бирюков, сдается мне, что ваш прадед был приличным негодяем – ни одной юбки не пропускал. И в героях ему ходить – всего ничего осталось.

БИРЮКОВ (*угрожающе*). Да я тебя...

ЛЮЛЮКИН (*пятится в сторону номера*). Запомните! Всего ничего!

БИРЮКОВ. Ты у меня, мерзавец, проглотишь эти слова!

ЛЮЛЮКИН (*пятится в сторону номера*). Всего ничего!

БИРЮКОВ. Придет час и тебя отсюда вперед ногами вынесут с петлей на шее!

Люлюкин входит в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие шестое

Саринные часы на стене показывают 19 часов 20 минут. Яков у стойки протирает стаканы. Рядом читают газету красноармейцы Бирюков, Багрецов, Баскин. У каждого – винтовка со штыком. За столиком пьют вино выпимшие и выпимшая. Из окна доносятся крики и выстрелы. Дверь в номер открывается, появляется Люлюкин

БИРЮКОВ (*читает*). Блюхер – бывший сормовский рабочий, председатель Челябинского ревкома, объединив под своим командованием несколько разрозненных красноармейских и партизанских отрядов, совершил дерзкий переход в полторы тысячи верст по Уралу, ведя ожесточенные бои с белогвардейцами...

Люлюкин «тактично» кашляет в кулак. Бирюков, Багрецов, Баскин замечают Люлюкина

БАГРЕЦОВ. Это еще кто?

Бирюков, Багрецов, Баскин направляют в сторону Люлюкина винтовки

БАСКИН. А ну стоять!

БИРЮКОВ. Ты кто такой будешь?

ЛЮЛЮКИН. Люлюкин Евгений Степанович.

БАГРЕЦОВ. Из бывших?

ЛЮЛЮКИН. Из каких бывших? Я эмиссар из революционного Питера. Мне товарищ Ленин дал наказ разыскать и лично вручить орден Красное Знамя герою гражданской войны красноармейцу Баскину... Вы случайно не знаете, где его найти?

БАСКИН (*растерянно*). Так... Это ж... Что ж... Как не знать! Я Баскин!

ЛЮЛЮКИН. Ты?

БАСКИН. Я!

ЛЮЛЮКИН. Не может быть?

БАСКИН. Может! Может! Кого хошь спроси! (*Бирюкову, Багрецову.*) Братцы, подтвердите товарищу из Питера!

Бирюков с Багрецовым отворачиваются

Братцы?!

ЛЮЛЮКИН. Ладно, верю... Ну что ж: заслужил – носи! (*Послепаузы.*) За храбрость, за беззаветную преданность революции и рабоче-крестьянской власти орденом Красное Знамя РСФСР награждается герой гражданской войны товарищ Баскин! Слава ему!

БИРЮКОВ, БАГРЕЦОВ (*нехотя*). Слава.

Люлюкин достает из кармана и прикрепляет к гимнастёрке Баскина орден

ЛЮЛЮКИН. Слава!

БИРЮКОВ, БАГРЕЦОВ *(нехотя)*. Слава.

ЛЮЛЮКИН *(двигается в сторону номера)*. Слава, товарищи! Громче!

БИРЮКОВ, БАГРЕЦОВ *(громче)*. Слава!

ЛЮЛЮКИН. Слава!

Люлюкин входит в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздаётся громкий скрежет

Действие седьмое

Старинные часы на стене показывают 20 часов 15 минут. Яков у стойки протирает стаканы. Рядом читают газету Бирюков, Багрецов, Баскин. Баскин одет в дорогой костюм. За столиком пьют вино выпимшие и выпимшая. Дверь в номер открывается, появляется Люлюкин

БАСКИН *(читает)*. Черноземельск в скором времени может лишиться нескольких наиболее знаковых топонимов советского времени. Как нам стало известно из достоверных источников, в мэрии рассматривается вопрос о переименовании ряда городских объектов. Речь, в частности, идет о Ленинградском вокзале, Советском рынке, улице Блюхера... *(Бирюкову, Багрецову)*. Не понимаю: для чего нужны эти названия? Я тут недавно в Штатах был, так там, представьте, улицы безымянны. Да, да! Вот так тебе, значит, – стрит, а вот так поперек – авеню. Дешево и сердито.

БАГРЕЦОВ. Так то ж Штаты! А что с нас, сиволапых, взять?

БАСКИН. Молодец Багрецов. Знаешь свое место... Посмотрим, что еще пишут. *(Листает газету)* О! И про меня землячки-журналисты вспомнили. *(Читает.)* Известный черноземельский предприниматель Баскин *(Не поднимая головы, тычет пальцем в грудь.)* снова оказался в эпицентре скандала... Это неинтересно, это я и сам знаю. *(Читает.)* Разница в доходах между самыми богатыми и самыми бедными людьми в России достигла рекордной отметки... Нет, ребятки, еще не достигла. Ага, вот! *(Читает.)* После долгих странствий Баскин вернулся в родной город, где возложил венок на могиле легендарного прадеда... А что? Хорошо. Не броско и со вкусом. Не зря эту газетенку прикупил, не зря.

ЛЮЛЮКИН (*Якову*). Как жизнь?

ЯКОВ. Так... Живем потихоньку.

ЛЮЛЮКИН. Работаем?

ЯКОВ. Служим.

ЛЮЛЮКИН. Понятно... А нормальная работа в городе есть?

ЯКОВ. Так, знаете ли...

ЛЮЛЮКИН. Нет, значит... Это плохо.

ЯКОВ. Да. Нехорошо.

ЛЮЛЮКИН. Ну а в остальном, как?

ЯКОВ. По-разному.

ЛЮЛЮКИН. Воруют?

ЯКОВ. Приворовывают.

ЛЮЛЮКИН. Ясно... Дороги какие? Наверное, как и везде – кривые, косые, убогие?

ЯКОВ. А с чего им другими быть, коли приворовывают.

ЛЮЛЮКИН. Ну да. (*Пауза.*) Простите. Возможно, мой вопрос покажется вам несколько странным. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, со мной всё в порядке... Какая нынче власть? Я имею в виду Россию в целом.

ЯКОВ. Не знаю. По телевизору говорят: самая что ни на есть народная.

ЛЮЛЮКИН. Это я понимаю. А кто конкретно стоит во главе?

ЯКОВ. Да всё те же стоят. Других нет.

ЛЮЛЮКИН (*задумчиво кивая*). Понятно.

2-ой ВЫПИМШИЙ. У нас оно так! Кто у станка стоять не хочет – будет до инфаркта и паралича у власти стоять...

1-ый ВЫПИМШИЙ. А не сможет устоять у власти – сядет.

Пауза

ВЫПИМШАЯ (*1-му вытимшему*). Ты что сейчас сказал? Подумал?

1-ый ВЫПИМШИЙ (*качает отрицательно головой*). Надо было?

ВЫПИМШАЯ. Вообще-то нет... Ну да ладно – проехали!

2-ой ВЫПИМШИЙ. Наливай!

Входная дверь открывается, появляется Королькова

КОРОЛЬКОВА. Это гостиница, что на улице Баскина?

БАСКИН. Не Баскина, а героя гражданской войны Баскина. Орденосца!

ЛЮЛЮКИН. Пойдите, пойдите! Какого еще Баскина? Это же улица Централь... *(Пауза.)* Ах, да... Я забыл.

КОРОЛЬКОВА. Так, я не поняла. Это гостиница?

ЯКОВ. Гостиница. Только свободных номеров у нас нет.

КОРОЛЬКОВА. Как нет?

ЯКОВ. Так вот. Нет и всё.

КОРОЛЬКОВА. Где ж я ночевать-то буду? Последний автобус в Митяевку час назад ушел. А следующий только завтра обещали.

ЯКОВ. Не знаю, не знаю. Был у нас один номер, да его вот, *(кивает на Люлюкина.)* господин фолерист занял.

КОРОЛЬКОВА. Так что же мне теперь? На улице, прикажешь, спать?

ЛЮЛЮКИН *(Корольковой)*. Э-э-э... Позвольте узнать ваше...

БАСКИН. Послушайте, девушка! Зачем вам ночевать в этой дыре? Здесь клопы, тараканы, мыши. Здесь, говорят, люди то исчезают, то появляются. Едемте с нами!

КОРОЛЬКОВА *(Баскину)*. Ишь ты, какой шустрый выискался! Я не такая.

ЛЮЛЮКИН *(Якову, восторженно)*. Она не такая!

БАСКИН *(Корольковой)*. Я тоже не такой. Не верите, у мамы моей спросите. Она вам скажет: ее сын – самый замечательный сын во всем мире. *(Бирюкову, Мизгитю.)* Если б еще дружки-товарищи, Бирюков с Багрецовым его не портили, был бы идеальным.

БИРЮКОВ. Да. На глазах родной матери портим хорошего человека.

БАГРЕЦОВ. С пути истинного сбиваем.

КОРОЛЬКОВА *(Баскину)*. Так я вам и поверила.

БАСКИН. А мне не надо верить – надо проверить и забыть.

КОРОЛЬКОВА. Что значит, забыть? У меня память хорошая – я ничего плохого в жисть не забуду.

БАГРЕЦОВ, БИРЮКОВ. Забыть! Забыть!

БАСКИН. Видите ли, девушка, в чем дело. Если я гуляю – а именно этим я намерен заняться в ближайшее время – то делаю это красиво и с размахом. В такие дни мне ни для себя, ни для своих друзей ничего не жалко. Ни вина, ни денег, ни славы прадедовской. *(Сует кукиш в лицо Бирюкова.)* Вот фиг тебе, а не слава... *(Корольковой.)* Поэтому когда вы

вернетесь в свой жалкий мирок, наша встреча покажется вам волшебным сном... Так зачем, спрашивается, помнить то, что потом всю жизнь будет травить душу?

КОРОЛЬКОВА. Ой, ой, ой! Можно подумать!

БАСКИН. А не надо думать – надо попробовать и забыть.

БАГРЕЦОВ. Хватит Баскин! Шампанское нагрелось. Поехали к цыганам!

БАСКИН (*задумчиво*). Ну что ж. Петрович, видимо, уже не придет... Ладно, поехали! Бирюков! Хорош дрыхнуть! Давай, заводи мерина.

Бирюков, Багрецов, Баскин направляются к выходу

Всем привет!

КОРОЛЬКОВА. Вы это куда?

БАСКИН (*машиет рукой*). Чао, бамбино! Глаза твои – черный жемчуг, зубы – коралл! Или наоборот, не помню.

КОРОЛЬКОВА. А как же я? Меня забыли! Подождите! Я не умею говорить: нет!

Королькова догоняет Бирюкова, Багрецова, Баскина. Вместе с ними выходит. Пауза

ЯКОВ (*вздыхает*). Все они такие.

ЛЮЛЮКИН. Нет-нет! Она здесь не причем. Это всё ваш местный олигарх – Баскин. Мало ему своих женщин – чужих подавай! Ну, я ему покажу прадедовскую славу! (*Якову*) У вас орден Красное Знамя есть. Продайте! Я хорошо заплачу.

ЯКОВ. Минуточку. Что-то у меня тут вроде было...

*Яков достает из-под прилавка орден Красное Знамя. Передает Люлюкину. Люлюкин рас-
плачивается. Направляется к двери в номер. По дороге останавливается у выпимших*

Слушайте, я что-то не пойму... Вы то здесь, то там... Как это?

1-ый ВЫПИМШИЙ. Дык... А чо делать-то?

ЛЮЛЮКИН. Да нет, я не в том смысле. Просто не понимаю: как, так может быть?

2-ой ВЫПИМШИЙ. Как, так? Так вот... Сидим мы тут.

ВЫПИМШАЯ. Отдыхаем. Да. Чего пристал?

ЛЮЛЮКИН. Ага. Отдыхаете, значит... Ну-ну.

Люлюкин входит в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие восьмое

Старинные часы на стене показывают 19 часов 20 минут. Яков у стойки протирает стаканы. Рядом читают газету красноармейцы Бирюков, Багрецов, Баскин. У каждого – винтовка со штыком. За столиком пьют вино выпимшие, выпимшая. Из окна доносятся крики, выстрелы

БИРЮКОВ (*читает*). Блюхер – бывший сормовский рабочий, председатель Челябинского ревкома, объединив под своим командованием несколько разрозненных красноармейских и партизанских отрядов, совершил дерзкий переход в полторы тысячи верст по Уралу, ведя ожесточенные бои с белогвардейцами...

БАГРЕЦОВ. Орел!

Дверь в номер комнаты открывается, появляется Люлюкин. Смотрит на настенные часы. Подходит к красноармейцам

БИРЮКОВ (*читает*). За храбрость, беззаветную преданность революции и рабоче-крестьянской власти он был первым, кого всероссийский центральный исполнительный...

БАГРЕЦОВ. Это еще кто?

Бирюков, Багрецов, Баскин направляют в сторону Люлюкина винтовки

БАСКИН. А ну стоять!

БИРЮКОВ. Ты кто такой будешь?

ЛЮЛЮКИН. Люлюкин Евгений Степанович.

БАГРЕЦОВ. Из бывших?

ЛЮЛЮКИН (*вынимает из кармана орден*). Из каких бывших? Я эмиссар из революционного Питера. Мне товарищ Ленин дал наказ вручить орден Красное Знамя герою гражданской войны... (*Смотрит на Багрецова. Недовольно морщится.*) Н-да. (*Задумчиво.*) Герою гражданской войны... (*Решительно.*) Люлюкину Евгению Степановичу! Слава ему!

БИРЮКОВ, БАГРЕЦОВ, БАСКИН *(растеряно)*. Слава.

Люлюкин прицепляет к своей груди орден

ЛЮЛЮКИН. Слава, я сказал!

БИРЮКОВ, БАГРЕЦОВ, БАСКИН *(растеряно)*. Слава.

ЛЮЛЮКИН. Громче!

БИРЮКОВ, БАГРЕЦОВ, БАСКИН *(растеряно)*. Слава!

ЛЮЛЮКИН. Ну, то-то же! Слава!

БИРЮКОВ, БАГРЕЦОВ, БАСКИН *(растеряно)*. Слава!

Люлюкин направляется к двери в номер. Останавливается у выпимших

ЛЮЛЮКИН. Всё сидите?

1-ый ВЫПИМШИЙ. А чо делать-то?

ЛЮЛЮКИН. Как что? Революция в России! Вышли б на улицу, развеялись! Слышите, толпа беснуется, последних буржуев добивает?

2-ой ВЫПИМШИЙ. Дык... Толпа потому и беснуется, что народ дома сидит.

ВЫПИМШАЯ. И мы никуда не пойдём.

ЛЮЛЮКИН. Почему?

1-ый ВЫПИМШИЙ. Заняты.

2-ой ВЫПИМШИЙ. Да. Некогда нам.

ЛЮЛЮКИН. Ага. Заняты вы... Понятно.

Люлюкин входит в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздаётся громкий скрежет

Действие девятое

Старинные часы на стене показывают 19 часов 37 минут. Яков за стойкой протирает стаканы. Рядом стоят в кожаных тужурках, читают газету Бирюков, Багрецов, Баскин. За столиком пьют вино выпимшие и выпимшая

БИРЮКОВ (*читает*). Ещё совсем недавно герой гражданской войны Евгений Люлюкин пользовался уважением народа, доверившей ему высокий партийный пост. Но правду говорят: сколько волка не корми – он в лес смотрит. Так и случилось с Люлюкиным – разоблачённым врагом и троцкистом. Тонко маскируясь, он творил свои гнусные дела, скрываясь за маской всенародного любимца. (*Откидывает газету.*) Во, тварь!

Дверь в номер открывается, появляется Люлюкин с орденом на груди

БАГРЕЦОВ. Гнида! А как притворялся!

БАСКИН. Все они, предатели, подлые двурушники.

БАГРЕЦОВ. Теперь ему крышка.

БИРЮКОВ. В общем, давайте, братцы, сделаем так!. Как только Люлюкин явится, быстро хватаем его, мнём и тащим к себе.

БАГРЕЦОВ. Точно! Там-то мы с ним, героем, потолкуем о его подвигах!

БАСКИН. А если будет сопротивляться?

БИРЮКОВ. В спину стреляй. Скажем, дескать, бежать пытался.

БАГРЕЦОВ. Так может сразу его... Чего арестовывать, допрашивать? Всё и так ясно.

БАСКИН. Правильно! Нечего с врагами церемониться!

Баскин замечает Люлюкина

Братцы! Да вот же он!

БИРЮКОВ. Где? Хватай!

Бирюков, Багрецов, Баскин бросаются на Люлюкина

ЛЮЛЮКИН. Ой, мамочки!

Люлюкин запирается в номере. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие десятое

Старинные часы на стене показывают 19 часов 20 минут. Яков за стойкой протирает стаканы. Рядом стоят, читают газету красноармейцы Бирюков, Багрецов, Баскин. У каждого – винтовка со штыком. За столиком пьют вино выпимшие и выпимшая. Из окна доносятся крики и выстрелы. Дверь в номер открывается, появляется Люлюкин. Люлюкин смотрит на настенные часы. Снимает с груди орден, прячет в карман

БИРЮКОВ (*читает*). Блюхер – бывший сормовский рабочий, председатель Челябинского ревкома, объединив под своим командованием несколько разрозненных красноармейских и партизанских отрядов, совершил дерзкий переход в полторы тысячи верст по Уралу, ведя ожесточенные бои с белогвардейцами...

БАГРЕЦОВ. Орел!

Люлюкин подходит к красноармейцам

БИРЮКОВ. Это еще кто?

Бирюков, Багрецов, Баскин направляют в сторону Люлюкина винтовки

БАСКИН. А ну стоять!

БИРЮКОВ. Ты кто такой будешь?

ЛЮЛЮКИН. Надоело уже отвечать одно и то же. Люлюкин я. Евгений Степанович.

БАГРЕЦОВ. Из бывших?

ЛЮЛЮКИН. Из каких бывших? Я эмиссар из революционного Питера, и всё такое прочее. Короче, отвалите. Мне подумать надо.

Бирюков, Багрецов, Баскин удивленно переглядываются

БИРЮКОВ (*Люлюкину*). А ну-ка, мил-человек, подыми руки.

ЛЮЛЮКИН. Чего-чего?

БИРЮКОВ. Обыскивать буду. Подыми, подыми. Не бойся, я не щекотно.

ЛЮЛЮКИН. Только давайте-ка, без рук. Не люблю я этого.

БИРЮКОВ. Как скажешь.

Бирюков бьёт Люлюкина прикладом в живот. Бирюков, Багрецов, Баскин хохочут

Ну вот! Как и просил – без рук!

Бирюков обыскивает Люлюкина. Вынимает из кармана Георгиевский крест

Это еще что?

ЛЮЛЮКИН (*задыхаясь*). Георгиевский крест.

БИРЮКОВ. Сам вижу. Откуда?

ЛЮЛЮКИН. Это не мой!

БИРЮКОВ. А крест-то, братцы, гляньте, офицерский.

ЛЮЛЮКИН. Я его купил!

БАСКИН. Это что ж, братцы? Никак к нам недобитый офицерик забрел?

БАГРЕЦОВ. Причем, сам! Добровольно!

БИРЮКОВ. Недобитый говоришь? Не беда – щас добьем. Ну-ка, ваше благородие, становись к стенке.

Багрецов возвращает крест Люлюкину. Бирюков, Багрецов, Баскин заряжают винтовки

ЛЮЛЮКИН. Братцы! Вы чего? Я не тот за кого вы меня принимаете! Я ваш!

БИРЮКОВ. Конечно, наш. Куды ж ты теперь от нас денешься. (*Багрецову, Баскину.*)
Команда, цельсь!

Бирюков, Багрецов, Баскин поднимают винтовки. Яков, закрыв уши, выбегает. Дверь в номер открывается, появляется Королькова

КОРОЛЬКОВА. Ой, что это?

БИРЮКОВ. Отойди! Не мешай вершиться революционному правосудию.

КОРОЛЬКОВА. Да какое же это правосудие – в живого человека из ружей пулять?

БИРЮКОВ. Отойди, сказал!

КОРОЛЬКОВА. А ты на меня не ори! Я хоть и женщина, но рука у меня тяжелая, натруженная – врежу, мало не покажется. Недавно вон Санька Колчак силком меня взять вздумал. Так я ему так дала, что он, зараза, потом с неделю разогнуться не мог.

БАСКИН. Кому дала? Адмиралу Колчаку?

КОРОЛЬКОВА. Не знаю, какой из него адмирал – думаю, как из меня председатель – но дури в нем на всю округу точно хватит!

Бирюков, Багрецов, Баскин хохочут

БИРЮКОВ. Да ты, я погляжу, бой-баба!

КОРОЛЬКОВА. У-у-у! Меня только тронь! Никому в Митяевке спуска не дам!

БАГРЕЦОВ. Так ты что ж, из Митяевки?

КОРОЛЬКОВА. Ну да.

БАГРЕЦОВ. И я оттуда ж!

КОРОЛЬКОВА. Правда?

БАГРЕЦОВ. А то! Старуху Багрецов знаешь?

КОРОЛЬКОВА. Это та, что в крайней избе живет?

БАГРЕЦОВ. Точно! Мать моя! Ну, давай, сказывай, как она там? Сто лет не видал.

КОРОЛЬКОВА. Хворает... Только я что-то не слыхала, чтоб у нее сын был.

БАГРЕЦОВ. Ну как же? Вот он я...

БИРЮКОВ. Ты ей, Багрецов, скажи, когда в последний раз мать свою навещал.

БАГРЕЦОВ. Ох, давно. Ну, так я ж, братцы, то на германской столько лет пропадал, то на гражданской. А в Митяевку и заглянуть недосуг. *(Королевой.)* А Тонька-то? Тонька, сестренка моя, как? Выросла, небось, замуж вышла?

КОРОЛЬКОВА. Нет, не вышла.

БАГРЕЦОВ. Что так?

КОРОЛЬКОВА. Не сложилось. В город тем летом подалась. Бухгалтерские курсы, говорят, кончила, в конторе теперь сидит... Только она не Тонька – Танька. А Антониной ее прабабку звали.

БАГРЕЦОВ. Как, Танька? *(Неуверенно.)* Да не... Тонька... Я хорошо помню.

БИРЮКОВ *(хохочет)*. Эх ты, Багрецов – чучело гороховое. Сестру свою забыл!

БАСКИН. Да с нашей жизнью не то, что сестер – себя самих скоро забудешь!

БИРЮКОВ (*вздыхает*). Это да. С этим совсем беда... Ну ладно. Чего, братцы, с офицериком делать-то будем? По-хорошему его, конечно, шлепнуть бы надо.

БАСКИН. Ну, так, давай, шлепнем. Делов-то?

БАГРЕЦОВ. Я тебе шлепну! Я тебя сейчас самого шлепну! Землячке моей отдадим. Не видишь, полюбился он ей. (*Смеется.*) А для него это хуже всякого расстрелу будет!

БАСКИН (*хохочет*). Это точно! К такой бой-бабе живым в руки лучше не попадаться!

Вбегают Яков

ЯКОВ. Спасайтесь! Партизаны в городе! Антоновцы!

БИРЮКОВ. Что?! Где?! Откуда?!

ЯКОВ. Не знаю! Сюда идут!

БИРЮКОВ (*смотрит в окно*). Точно! Бежим!

Бирюков, Багрецов, Баскин выпрыгивают в окно

ЛЮЛЮКИН (*Корольковой, после паузы*). Я вам, кажется, обязан жизнью... Спасибо.

КОРОЛЬКОВА. Ой, да что вы! Вот если б, скажем, Санька Колчак на вас напал, как он на всех моих женихов нападает, тогда б, да, пришлось выручать, а так... Да нет, они люди не страшные, просто воевали, видать, лишку много, вот и повредились малость.

ЛЮЛЮКИН. Как вы здесь оказались? Вы же к цыганам поехали.

КОРОЛЬКОВА. Поехали. Только там все сразу перепились, потом перессорились, передрались и никакого неправдоподобного сна мне не показали. А показали очень даже правдоподобный. Только такие сны я и в Митяевке каждый день вижу.

ЛЮЛЮКИН. Понятно.

КОРОЛЬКОВА. Я чего к вам пришла-то. Дядя Яша говорит, в гостинице мест нету. А в вашей комнате целых две койки. Может, одной поделитесь... Вы человек, я погляжу, обходительный, симпатишный...

Вбегают Тумаков с двумя вооруженными партизанами. Тумаков одет в форму поручика

ТУМАКОВ. Так! Кто тут? Комиссары, чекисты есть? Выходи!

ЯКОВ. Нету тут таких, господин поручик. Сбежали.

ТУМАКОВ (*выпимшим*). А вы кто будете? Красные? Белые?

1-ый ВЫПИМШИЕ. Не, мы не красные...

2-ой ВЫПИМШИЕ. И не белые...

ВЫПИМШАЯ. Мы...

ВЫПИМШИЕ (*хором*). ...выпимшие!

ВЫПИМШАЯ. Мы давно тут сидим.

ТУМАКОВ. Завидую. Ну ладно. (*Люлюкину.*) А ты кто?

ЛЮЛЮКИН. Фолерист.

ТУМАКОВ. Немец!?! Ненавижу! В германскую ненавидел, сейчас особенно! А ну, ребята, в расход его!

ЛЮЛЮКИН. Нет, нет, вы меня неправильно поняли!

ТУМАКОВ. В расход!

ЛЮЛЮКИН. Господин поручик! Вы допускаете роковую ошибку!

Партизаны забирают из рук Люлюкина Георгиевский крест

1-ый ПАРТИЗАН. Тумаков! Петр Михайлович! Глянь-ка, чего мы нашли.

Тумаков подходит к партизанам и Люлюкину

2-ой ПАРТИЗАН. Кажись, Георгиевский крест.

ТУМАКОВ (*Люлюкину*). Это ваш?

ЛЮЛЮКИН (*неуверенно*). Мой... Точнее, ваш. (*Решительно.*) В общем, я прибыл к вам по поручению барона Врангеля.

ТУМАКОВ. Прошу прощения. Что вы сказали?

ЛЮЛЮКИН. Я сказал, что получил приказ Верховного Главнокомандующего вооруженных сил юга России наградить Георгиевским Крестом героя гражданской войны Петра Тумакова... Извините, что долго до вас добирался. Сами понимаете: найти вас не просто.

Пауза

ТУМАКОВ. Неожиданно. Даже, право слово, не знаю, что и думать...

ЛЮЛЮКИН. Ни о чем не думайте. Просто примите из моих рук награду, и всё.

Люлюкин прикрепляет к груди Тумакова Георгиевский крест

КОРОЛЬКОВА (*Тумакову*). Позвольте спросить: за что вас наградили?

ТУМАКОВ. Да я и сам, честно говоря, не пойму...

КОРОЛЬКОВА. Наверно, за то, что вы герой? И к тому же симпатишный мужчина.

ТУМАКОВ. Спасибо.

КОРОЛЬКОВА (*придвигается к Тумакову*). Скажите: вы женаты?

ЛЮЛЮКИН. Ну, всё поручик, прощайте! Носите свой крест, несите его, а я пойду. (*Корольковой.*) И вы, барышня, тоже прощайте. Не хочу вам более мешать. Надоело.

Люлюкин входит в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие одиннадцатое

Старинные часы на стене показывают 20 часов 15 минут. Яков за стойкой протирает стаканы. Рядом читает газету Тумаков. Тумаков одет в дорогой костюм. За столиком пьют вино выпимшиие, выпимшая. Дверь в номер открывается, появляется Люлюкин

ТУМАКОВ (*читает*). Черноземельск в скором времени может лишиться нескольких наиболее знаковых топонимов. Как нам стало известно из достоверных источников, городской главой Тумаковым (*Не поднимая головы, тычет пальцем в грудь.*) рассматривается вопрос о переименовании ряда муниципальных объектов. Речь, в частности, идет о Николаевском вокзале, Сенном базаре, улице Деникина... С такой просьбой к нему обратилась инициативная группа, состоящая из членов земского собрания, дворянского общества, представителей творческой интеллигенции.

Люлюкин подходит к Якову

Против этой инициативы выступили монархисты, заявившие, что подобные действия властей могут окончательно перессорить граждан города, после чего подвергли жесткой критике практику нововведений... (*Откладывает газету.*) Не понимаю... Название Сенного базара менять надо пренебреженно – там уже давно продают всё, кроме сена. Николаев-

ский вокзал тоже – назло монархистам. А вот что касается улицы Деникина... Нет, он, конечно, допустил ошибку, когда принял Московскую директиву, что привело Белое движение к краху, но кто, скажите, в те времена их не допускал?

ЛЮЛЮКИН (*Яков*). Кто это? Если я не ошибаюсь, Тумаков?

ЯКОВ. Да-с. Городской глава.

ЛЮЛЮКИН. Ишь ты. Так это теперь у нас называется? Ну, ну... (*Тумакову*.) Господин городской глава! Напомните-ка мне, неместному, подвиги вашего прадеда. Он ведь у вас, как я понимаю, герой?

ТУМАКОВ. Герой.

ЛЮЛЮКИН. Чем же он знаменит?

ТУМАКОВ. Тем, что в начале лета 1921 года, командуя Объединённой партизанской армией, разбил в районе станции Инжавино советские войска Уборевича, что всколыхнуло народное волнение по всему центру России. Ну а что было дальше вам, должно быть, и без меня хорошо известно. Восстание перекинулось сначала на запад России, потом на юг, потом на все крупные города. В результате чего осенью двадцать второго года прадед лично сорвал со Смольного красный стяг и водрузил на его месте российский триколор!

ЛЮЛЮКИН (*лениво хлопает*). Браво.

ТУМАКОВ. А знаете, что самое интересное в этой истории? В своих мемуарах прадед писал, что его воодушевила награда, коей он удостоился от Врангеля – своего кумира.

ЛЮЛЮКИН. Вы имеете в виду, Георгиевский крест?

ТУМАКОВ. Вы читали мемуары моего прадеда? Весьма похвально. Тогда вы, сударь, должны знать, какой подъем он испытал в те роковые для России дни! Каким зарядом энергии питал своих приунывших от постоянных поражений боевых товарищей! Сколько маленьких побед на волне этого воодушевления одержал перед тем, как в пух и прах разбить красных! Вот каким был мой прадед! (*Якову*.) Кстати, Петрович сегодня придет?

ЯКОВ. Должен.

ЛЮЛЮКИН (*в сторону*). Ну и начудил я тут. (*Якову*.) Простите. Возможно, мой вопрос покажется вам несколько странным. Вы не беспокойтесь, со мной всё в порядке.

ЯКОВ. Да-с. Я вас внимательно слушаю-с.

ЛЮЛЮКИН. Кому принадлежит власть в России?

ЯКОВ. Кому принадлежит власть в России-с? Временному правительству-с.

ЛЮЛЮКИН. Как?! До сих пор временному?

Яков удрученно разводит руками

Ну, хорошо, хорошо. А кому конкретно?

ЯКОВ. Да всё тем же.

ЛЮЛЮКИН (*ахает*). Что вы говорите?

ЯКОВ. А чем дело-с?

ЛЮЛЮКИН (*в сторону*). Нет, это что ж получается? Выходит: революция, гражданская война, годы репрессий ничего в истории России не изменили? Что должно было случиться, то и случилось? Интересно...

2-ой ВЫПИМШИЙ. Оно у нас завсегда так... Вот помню, как-то с брательником мы в деревню к деду ехали. Ну, выпили по чуть-чуть, потом, как водится, заспорили. Я ему говорю: у росстани направо вертай, так короче будет, а он телегу налево ведет, я, говорит, лучше твоего путь знаю. Я ему опять – направо, а он мне опять – налево. Я ему: щас в морду дам, а он мне: щас сам дам! Ну, мы, понятное дело, разобиделись, разодрались, чуть друг дружку на вилы не подняли, а потом поехали, куда брательник велел.

1-ый ВЫПИМШИЙ (*смеется*). Что? Неправая дорога оказалось правой?

2-ой ВЫПИМШИЙ. Не. Вилы у брательника оказались чуть вострей да черенок малость длиньше. А так ничего: по ухабам, по буеракам, куда надо все ж таки доехали.

1-ый ВЫПИМШИЙ. И что?

2-ой ВЫПИМШИЙ. А то, что свернули б мы у росстани направо, как я наказывал, тоже б куда надо добрались. Только б быстрее и удобней.

1-ый ВЫПИМШИЙ. Вон ты о чем? Хитро.

ВЫПИМШАЯ. За это, считаю, надо выпить.

1-ый ВЫПИМШИЙ. Да, да, за это надо. Наливай.

Входная дверь открывается, появляется Королькова

КОРОЛЬКОВА. Это гостиница, что на улице Тумакова?

ТУМАКОВ. Не Тумакова, а героя гражданской войны Тумакова. Георгиевского кавалера!.. Разрешите представиться: городской глава Тумаков.

КОРОЛЬКОВА. Вы что, родственник этого...

Королькова машет рукой в сторону выхода

ТУМАКОВ. Правнук!

КОРОЛЬКОВА (*Якову*). Так. Я не поняла. Это гостиница?

ЯКОВ. Гостиница. Только свободных номеров у нас нет-с.

КОРОЛЬКОВА. Как нет-с?

ЯКОВ. Так вот. Нет-с и всё.

КОРОЛЬКОВА. Где ж я ночевать-то буду? Последний автобус в Митяевку час назад ушел. А следующий только завтра обещали.

ЯКОВ. Не знаю, не знаю. Был у нас один номер, да его вот-с, (*кивает на Люлюкина*.) господин фолерист заняли-с.

КОРОЛЬКОВА. Так что же мне теперь? На улице, прикажешь, спать?

ТУМАКОВ. Зачем на улице? Довертись городскому главе. Уж я-то, поверьте, найду для такой очаровательной барышни, как вы, тёплое гнездышко.

КОРОЛЬКОВА. Здорово! (*Осматривает Тумакова*.) А вы вроде ничего, обходительный, симпатишный... Небось, приставать будете?

ТУМАКОВ. Конечно, буду! Посмотрите на меня. Неужто я – интеллигентный человек – могу оскорбить вас невниманием? Это было бы с моей стороны верхом неприличия!

КОРОЛЬКОВА. Ой, как хорошо вы говорите. А скажите еще что-нибудь. Про меня.

Люлюкин быстрым шагом подходит к Корольковой. Берет ее за руку

ЛЮЛЮКИН. Я скажу. Пойдем.

КОРОЛЬКОВА. Кто вы? Куда вы меня тащите?

ЛЮЛЮКИН. В номера... Историю переписывать.

КОРОЛЬКОВА. Отцепитесь! Чего пристали?

ЛЮЛЮКИН. Хочешь сказать: не пойдешь? Пойдешь! Ты не умеешь говорить: нет.

Люлюкин и Королькова входят в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие двенадцатое

Старинные часы на стене показывают 19 часов 20 минут. Яков за стойкой протирает стаканы. Рядом стоят, читают газету красноармейцы Бирюков, Багрецов, Баскин. У каждого на плече – винтовка со штыком. За столиком пьют вино выпимшие, выпимшая. Из окна доносятся крики и выстрелы. Дверь в номер открывается, появляются Люлюкин и Королькова

ЛЮЛЮКИН (*Корольковой*). Всё запомнила? Главное, молчи и хмурься.

КОРОЛЬКОВА. А если они ко мне приставать начнут?

ЛЮЛЮКИН. Тогда ты с ними, как с Колчаком – по законам революционного времени... Послушай! Я всё испробовал: одного к власти привёл, другого, третьего, а результат всегда один и тот же – внуки и правнуки проедали всё, что завоевывали их прадеды. Одна надежда на тебя. Ты женщина, ты будущая мать, ты не дашь потомкам выродиться – сделаешь мир прекрасным! Обещай мне!

КОРОЛЬКОВА. Угу. Да ты не бойся. Рука у меня тяжелая...

ЛЮЛЮКИН. Да, да, я помню... Ну ладно. Пошли, нас, кажется, заметили.

БИРЮКОВ (*читает*). За храбрость, беззаветную преданность революции и рабоче-крестьянской власти он был первым, кого ВЦИК советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов представил к ордену...

Люлюкин с Корольковой подходят к красноармейцам

БАГРЕЦОВ. Это еще кто?

ЛЮЛЮКИН. Моя фамилия Люлюкин. Я из революционного Питера.

БИРЮКОВ (*хмуро*). И что?

ЛЮЛЮКИН. Товарищи! Я хочу представить вам, не побоюсь этого слова, героическую личность! Человека с большой буквы! Женщину, которая не побоялась дать отпор самому Колчаку... (*Корольковой*.) Расскажите нам, товарищ Королькова, как было дело.

КОРОЛЬКОВА. Ну, как, как? Надоел он мне хуже горькой редьки! Проходу не давал. А тут вдруг напал с тылу. Ну, рука у меня, надо сказать, тяжелая, натруженная – я ему так дала, что он, зараза, долго придти в себя не мог...

БИРЮКОВ (*хмуро*). И чо?

ЛЮЛЮКИН. То, что Президиум ВЦИК постановил: присудить орден Красное Знамя товарищу Корольковой и сделать об этом соответствующий доклад на заседании ВЦИК.

БИРЮКОВ (*хмуро*). Мы-то тут причем?

ЛЮЛЮКИН. Притом, что вы, простые бойцы за революционное дело, станете свидетелями церемонии награждения. (*После торжественной паузы.*) За храбрость, за мужество и героизм, проявленный в борьбе с Колчаком, орденом Красное Знамя РСФСР награждается товарищ Королькова! Слава ей! Ну же! Все вместе!

БИРЮКОВ, БАГРЕЦОВ, БАСКИН (*нехотя*). Слава.

Люлюкин прикрепляет к груди Корольковой орден

КОРОЛЬКОВА. А что это за медалька такая?

ЛЮЛЮКИН. Слава!

БИРЮКОВ, БАГРЕЦОВ, БАСКИН (*нехотя*). Слава.

ЛЮЛЮКИН (*двигается в сторону номера*). Слава!

БИРЮКОВ, БАГРЕЦОВ, БАСКИН (*нехотя*). Слава.

ЛЮЛЮКИН. Слава! Удачи тебе, товарищ Королькова! Ни пуха, ни пера!

Люлюкин входит в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие тринадцатое

Старинные часы на стене показывают 19 часов 37 минут. Яков за стойкой протирает стаканы. Рядом стоят в кожаных тужурках, читают газету Бирюков, Багрецов, Баскин

БИРЮКОВ (*читает*). Колхозники и колхозницы, выступавшие в качестве свидетелей, развернули перед советским судом жуткую картину беззаконий, творимых врагами народа. Рассказывая о чудовищных преступлениях оголтелой шайки фашистских бандитов, они выражали единодушное требование трудящихся всего Черноземельского района – уничтожить мерзавцев, покушавшихся на счастливую колхозную жизнь.

Дверь в номер открывается, появляется Люлюкин, смотрит на настенные часы

А вот еще... самое интересное. (*Читает.*) В служебном кабинете товарища Сталина состоялась беседа товарища Сталина с первым секретарем Черноземельского горкома ВКП(б) товарищем Корольковой. Беседа носила рабочий характер.

БАГРЕЦОВ. С самым товарищем Сталиным встречалась. Во как!

БАСКИН. Видать, заслужила.

БИРЮКОВ. А то! Товарищ Сталин, с кем ни попадя, встречаться не станет.

Люлюкин подходит к Бирюкову, Багрецову, Баскину

ЛЮЛЮКИН. Здравствуйте, товарищи!

БАГРЕЦОВ. Ну, здравствуй, коли не шутишь.

ЛЮЛЮКИН. Как дела?

БАГРЕЦОВ. Заводятся.

ЛЮЛЮКИН. В каком смысле?

БАГРЕЦОВ. В канцелярском. Хочешь, на тебя заведу?

БИРЮКОВ. Багрецов, не хама. Это товарищ Люлюкин из Ленинграда. Он у нас в году двадцатом товарища Королькову орденом награждал.

БАГРЕЦОВ (*встает по стойке смирно*). Извините товарищ Люлюкин. Не признал. Больше не повторится.

ЛЮЛЮКИН. Вы бы, товарищи, были осторожней с подобными шуточками. Время нынче, сами знаете какое.

БАГРЕЦОВ. Так точно, товарищ Люлюкин. Знаем.

ЛЮЛЮКИН. Вот и хорошо, что знаете. Расскажите мне.

БАГРЕЦОВ. Что?

ЛЮЛЮКИН. Ну, как вы видите ситуацию в стране, в городе? Ну же! Смелее!

БАГРЕЦОВ (*волнуется*). Ситуация, товарищ Люлюкин, в городе серьезная.

ЛЮЛЮКИН. Так...

БАГРЕЦОВ. Враги и троцкисты всех мастей не дают продыху трудовому народу, а так же сознательному крестьянству...

ЛЮЛЮКИН. Это не очень хорошо.

БАГРЕЦОВ. Мы с боевыми товарищами всячески им препятствуем.

ЛЮЛЮКИН. Продолжайте.

БАГРЕЦОВ. Еще нам помогает первый секретарь горкома товарищ Королькова.

ЛЮЛЮКИН. Очень интересно. Ну и как она вам?

БАГРЕЦОВ. Товарищ Королькова является для нас примером непримиримой борьбы с классовыми врагами и предателями.

ЛЮЛЮКИН. А если тоже самое, только своими словами?

БАГРЕЦОВ. Прошу прощение. Не понял?

ЛЮЛЮКИН. Ладно. *(Оглядывается комнату. Кивает на пустой стол, за которым сидели выпитые.)* А эти-то куда девались?

БИРЮКОВ. Разрешите доложить, товарищ Люлюкин.

ЛЮЛЮКИН. Прошу вас.

БИРЮКОВ. Эти личности, как мы тут недавно выяснили, оказались чужеродными элементами на теле советского общества, и по нашему представлению были осуждены трибуналом сроком на восемь лет каждый!

ЛЮЛЮКИН. Круто. И что вы думаете, после этого они у нас больше не появятся?

БИРЮКОВ. Если срок добавить, точно не появятся, товарищ Люлюкин!

ЛЮЛЮКИН *(с сомнением)*. Не знаю, не знаю...

Вбегает Королькова с листком в руке

КОРОЛЬКОВА *(кричит)*. Бирюков!

БИРЮКОВ. Я здесь, товарищ Королькова!

КОРОЛЬКОВА. Бирюков! Что это?

БИРЮКОВ. Что, товарищ Королькова?

КОРОЛЬКОВА *(сует Бирюкову под нос листок)*. Я спрашиваю, что это такое?

БИРЮКОВ. Докладная записка на ваше имя.

КОРОЛЬКОВА. Что ты в ней написал?

БИРЮКОВ. Я, товарищ Королькова, счел своим долгом предупредить...

КОРОЛЬКОВА. Нет, это я хочу тебя предупредить, Бирюков, что мое терпение не бесконечно! Как это, прикажешь, понимать? *(Читает.)* В результате чисток партии и снятия с должностей, в городе образовался обиженный слой представителей номенклатуры.

БИРЮКОВ. Товарищ Королькова...

КОРОЛЬКОВА. Кто мне клялся, что в нашем городе врагов народа больше, чем выделенных лимитов на их ликвидацию? Так где они, эти враги? Где?! Почему мне в обкоме

каждый раз говорят, что мы у себя на месте плохо боремся с классовыми противниками и что наши карательные органы разжирели от безделья!

БИРЮКОВ. Да мы уж и так всех кого можно выявили и посадили...

КОРОЛЬКОВА. Вот этих, бывших, о которых пишешь, сажай! Жен их! Любовниц!

БИРЮКОВ. За что?

КОРОЛЬКОВА. Найди за что! Не можешь найти – клади партбилет на стол! Это ты-то, надеюсь, еще в состоянии сделать?

БИРЮКОВ. Но товарищ Королькова...

КОРОЛЬКОВА. Я кому сказала: на стол! Не гневи, Бирюков, у меня рука тяжелая, натруженная, сам знаешь.

БИРЮКОВ. Знаю.

Бирюков нехотя кладет партбилет на стойку

КОРОЛЬКОВА. А теперь, убирайся! Поедешь в колхоз, в Митяевку, будешь там сильным для себя трудом заниматься – навоз за коровами убирать! Вон отсюда!

Бирюков понуро уходит

Ну, вот же она! (*Трясет листком.*) Вот! Вот! Опасность для государства! Что еще надо? Хватай да сажай! Так нет же! Лодыри!

Королькова замечает Люлюкина

Ты?

ЛЮЛЮКИН. Я.

КОРОЛЬКОВА (*удивленно*). Какими судьбами?

ЛЮЛЮКИН. Да вот... Решил посмотреть, как ты мир делаешь прекрасным.

КОРОЛЬКОВА. Какой мир? Ах, мир! (*Натужено смеется.*) Вон ты о чем? Молодец. Ушел неведомо куда, бросил меня с малым дитем, а теперь, значит, попрекать вздумал тем, что я о мире во всем мире плохо забочусь.

ЛЮЛЮКИН (*испуганно*). Каким дитем? Не было у нас никакого дитя.

КОРОЛЬКОВА *(после паузы)*. А, ну, да. *(Баскину.)* Бросил меня с малым дитя, а теперь, значит... Ты, вообще, кто? Чего тебе здесь надо? А ну, пошел прочь!

Баскин отходит в сторону. Королькова задумчиво осматривает мужчин в фойе

Впрочем, не важно, не об дите речь. *(Люлюкину.)* Ты лучше расскажи: где пропадал?

ЛЮЛЮКИН *(смущенно)*. Ну, где, где... Работал. Учился.

КОРОЛЬКОВА. Женился.

ЛЮЛЮКИН *(смущенно)*. Ну...

КОРОЛЬКОВА. На ком?

ЛЮЛЮКИН *(смущенно)*. Ну, как, на ком...

КОРОЛЬКОВА. На немке, финке, японке?

ЛЮЛЮКИН *(смущенно)*. Да нет...

КОРОЛЬКОВА. В какой разведшколе учился? В кенигсбергской или в харбинской?

ЛЮЛЮКИН. Ты чего?

КОРОЛЬКОВА. Ты, кажется, говорил, работаешь. Ну и как тебе у нас работается? Много ль секретов выведал? Баскин! Этот подозрительный тип выпытывал у вас какие-нибудь военные или политические тайны?

БАСКИН. Так точно, товарищ Королькова! Этот тип расспрашивал Багрецова о ситуации в стране!

КОРОЛЬКОВА. Ну, вот! А Бирюков говорил, сажать некого. Ай-яй-яй. *(Багрецову с Баскиным.)* Плохо работаете, товарищи чекисты! Из рук вон плохо.

ЛЮЛЮКИН *(движется к номеру)*. Ты шутишь?

КОРОЛЬКОВА *(движется за Люлюкиным)*. Только чуть-чуть. Не так, как ты тогда.

ЛЮЛЮКИН *(движется к номеру)*. Я тогда не шутил.

КОРОЛЬКОВА *(движется за Люлюкиным)*. Так и я только чуть-чуть.

ЛЮЛЮКИН *(движется к номеру)*. Я хотел, чтоб всем было хорошо.

КОРОЛЬКОВА *(движется за Люлюкиным)*. А я, чтоб тебе плохо.

ЛЮЛЮКИН *(движется к номеру)*. Чтоб мир стал лучше.

КОРОЛЬКОВА *(движется за Люлюкиным)*. Так и я того же желаю. Вот избавлю мир от того, кто мне жисть сломал и сразу станет лучше.... Ну же, иди ко мне...

Королькова бросается на Люлюкина

ЛЮЛЮКИН. Ой, мамочки!

Люлюкин запирается в номере. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие четырнадцатое

Старинные часы на стене показывают 20 часов 15 минут. Яков за стойкой протирает стаканы. Рядом читают газету Королькова, Багрецов, Баскин. Королькова – в деловом костюме. За столиком пьют вино выпимшие и выпимшая. Дверь в номер открывается, появляется Люлюкин

КОРОЛЬКОВА (*читает*). Черноземельск в скором времени может лишиться нескольких наиболее знаковых топонимов советского времени. Как нам стало известно из достоверных источников, в мэрии рассматривается вопрос о переименовании ряда городских объектов. Речь, в частности, идет о Ленинградском вокзале, Советском рынке, улице Блюхера... (*Багрецову, Баскину*). У меня мама, помню, каждое воскресенье ходила на Советский рынок за мясом. Скажет: пойду на Советский рынок, а я ничего, молчу, мне тогда это слух не резало. Даже удивительно. (*Читает.*) С такой просьбой к мэру Корольковой (*Не поднимая головы, тычет пальцем в грудь.*) обратилась инициативная группа, состоящая из депутатов городского собрания, ветеранов труда, представителей творческой интеллигенции... Интересно, а кто-нибудь из них подумал, во сколько это обойдется городской казне? Ведь это же не только таблички на фасадах перевесить. Это и свидетельства на права собственности поменять, и учредительные документы предприятий переделать, и изменения в различные базы данных внести. (*Читает.*) Против этой инициативы выступили коммунисты. Их лидер – Багрецов (*Не поднимая головы, тычет пальцем в сторону Багрецова.*) заявил, что подобные действие властей могут окончательно перессорить граждан города, после чего подверг жесткой критике практику нововведений... (*Багрецову.*) Зря вы так. Лучше б, попробовали договориться.

БАГРЕЦОВ. А кто говорит, что мы не готовы вести диалог по этому вопросу? Мы, как бывшие пионеры, всегда готовы. Но на определенных условиях.

КОРОЛЬКОВА. Разумно. (*Читает.*) А вот лидер профсоюзного движения Баскин (*Не поднимая головы, тычет пальцем в сторону Баскина.*) заявил, что подобные инициативы

сознательно вбрасываются местными властями, дабы отвлечь горожан от насущных проблем Черноземельска.

Багрецов дружески похлопывает Баскина по плечу

БАГРЕЦОВ. Молодец, Баскин! Верно подметил.

КОРОЛЬКОВА (*Баскину*). И вы, господин Баскин, тоже, как я понимаю, готовы вести со мной диалог на определенных условиях?

БАСКИН. Совершенно верно.

КОРОЛЬКОВА. Ну что ж... Должна вас, господа, огорчить. В ближайшее время я не планирую заниматься переименованием городских топонимов и, следовательно, садиться с вами за стол переговоров.

БАГРЕЦОВ. Почему?!

КОРОЛЬКОВА. Дорого. Один раз придется платить за переименования, второй раз за то, чтоб заткнуть вам рты. Дешевле оставить всё, как есть.

БАСКИН. Что, значит, оставить всё, как есть? Нет-нет-нет! Вы, госпожа Королькова, пожалуйста, не торопитесь с решением. Подумайте!.

БАГРЕЦОВ. Что скажет народ? Массы? И потом... К вам обратилась инициативная группа... все как один уважаемые люди... ветераны...

БАСКИН. Представители творческой интеллигенции...

БАГРЕЦОВ. Они вас не поймут.

КОРОЛЬКОВА. Поймут. После того, как я выполню их просьбы, которые непременно последуют за разговорами о деньгах. А речь о них обязательно пойдет. Поверьте мне.

БАСКИН. Но...

КОРОЛЬКОВА. Всё! Я так решила! Тем более, что Петрович вот-вот должен с покупателем подойти.

БАСКИН. Нет, позвольте!

КОРОЛЬКОВА. Я сказала: всё! Закончили. (*Люлюкину*). Вы, я слышала, фолерист?

ЛЮЛЮКИН. Да.

КОРОЛЬКОВА. Скупаете значки, медали, ордена?

ЛЮЛЮКИН. Интересуюсь.

Королькова достает из сумочки орден Кранный Знамя. Передает Люлюкину

Посмотрите... Что скажете?

ЛЮЛЮКИН. Скажу, что я уже держал его в руках.

КОРОЛЬКОВА. Вряд ли. Эта медалька моей прабабушки.

ЛЮЛЮКИН. Хотите продать?

КОРОЛЬКОВА. Да. Насколько мне известно, рост цен на товары подобного рода приостановился. Так что держать его смысла больше нет.

ЛЮЛЮКИН. И не жалко? Прабабушкин все-таки.

КОРОЛЬКОВА. Жалко будет, если он подорожает. Но это, судя по конъюнктуре рынка, в скором времени вряд ли произойдет.

ЛЮЛЮКИН. Хорошо. Я куплю его.

Люлюкин расплачивается с Корольковой, подходит к Якову

Я правильно понял: госпожа Королькова – мэр города?

ЯКОВ. Да.

ЛЮЛЮКИН. Красивая... Замужем?

ЯКОВ. Какое там! Одиночка.

ЛЮЛЮКИН. Понимаю. Деловая женщина. Море работы и никакой личной жизни.

ЯКОВ. Зато всегда на плаву.

1-ый ВЫПИМШИЙ. Мы тоже были на плаву, пока из-под нас воду не спустили.

2-ой ВЫПИМШИЙ. Точно.

1-ый ВЫПИМШИЙ. А так бы мы еще: ого-го как поплескались!

ВЫПИМШАЯ. Да! Мы бы еще поштормили!

2-ой ВЫПИМШИЙ. Предлагаю выпить.

ВЫПИМШАЯ. За что? А впрочем, не важно. Наливай!

ЛЮЛЮКИН (*Якову*). Простите. Возможно, мой вопрос покажется вам несколько странным. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь, со мной всё в порядке... Какая нынче власть?

ЯКОВ. Власть капитала.

ЛЮЛЮКИН. А кто в ее главе?

ЯКОВ. Да всё те же.

ЛЮЛЮКИН (*задумчиво*). Интересно: почему меня это уже не удивляет?

Входная дверь открывается, входит Бирюков

БИРЮКОВ. Это гостиница, что на улице Корольковой?

КОРОЛЬКОВА. Не Корольковой, а героя гражданской войны Корольковой. Орденоноска!

БИРЮКОВ. Так. Я не понял: это гостиница?

ЯКОВ. Гостиница. Только свободных номеров у нас нет.

БИРЮКОВ. Как нет?

ЯКОВ. Так вот. Нет и всё.

БИРЮКОВ. Где ж я ночевать-то буду? Последний автобус в Митяевку час назад ушел. А следующий токо завтра обещали.

ЯКОВ. Не знаю, не знаю. Был у нас один номер, да его вот, *(кивает на Люлюкина.)* господин фолерист занял.

БИРЮКОВ. Так что же мне теперяча? На улице, велишь, спать?.. Ну да ладно, пойду спать на улицу.

КОРОЛЬКОВА. *(Бирюкову.)* Постойте! Позвольте узнать ваше имя.

БИРЮКОВ. Бирюков. А те зачем?

КОРОЛЬКОВА. Симпатишный вы. И фигура у вас, смотрю, хорошая. Мы раньше не встречались? Лицо мне ваше знакомо.

БИРЮКОВ. Вроде, нет.

КОРОЛЬКОВА. Странно... Ну да ладно. Вам, я слышала, негде ночевать?

БИРЮКОВ. Совсем негде.

КОРОЛЬКОВА. Значит, знакомых у вас в городе нет... Это хорошо. Вы женаты? Впрочем, не важно. Как ваше здоровье? Ничем не болеете?

БИРЮКОВ. Не. Мы, митяевские, мужики крепкие.

Королькова оцупывает плечи Бирюкова

КОРОЛЬКОВА. Ну да... Расскажите о себе.

БИРЮКОВ. А чо рассказывать-то? Я из крестьян. И отец мой из крестьян. И дед, и прадед, апосля того, как его в тридцать седьмом репрессировали, тоже на земле двумя ногами стояли. А ты чего спрашиваешь? Нужда какая во мне есть?

КОРОЛЬКОВА. Да, дело одно.

Королькова ощупывает грудь Бирюкова

Справишься, не обижу.

БИРЮКОВ. Справлюсь, даже не сомневайся – я к труду сызмальства привычный...
Тяжела ль работенка-то?

КОРОЛЬКОВА. Кому как. Дети есть?

БИРЮКОВ. А как же? Четверо! Младший токо-токо лепетать начал.

КОРОЛЬКОВА. Вот и отлично.

Королькова с задумчивым видом осматривает Бирюкова с ног до головы

Ну что... Петрович с покупателем сегодня, видимо, уже не придут... Ладно! Бирюков, следуйте за мной! Я найду вам место для ночлега.

БИРЮКОВ (*кланяется присутствующим*). Ну, всем до свиданьица! Извиняйте, коли что не так. Авось, еще свидимся.

ЛЮЛЮКИН. Иди, иди!.. Работничек.

Пауза

ЯКОВ (*Люлюкину*). Чего молчите? Не нравится вам у нас?

ЛЮЛЮКОВ. Нет, не нравится.

ЯКОВ (*вздыхает*). Ну да, хорошего тут мало.

ЛЮЛЮКИН. А знаете что? Пойду-ка я, погуляю. (*Подбрасывает в воздух орден.*) Бог даст, встречу хорошего человека, награжу его. Может, тогда на душе полегчает.

Люлюкин входит в номер. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие пятнадцатое

Старинные часы на стене показывают 19 часов 20 минут. Яков у стойки протирает стаканы. Рядом читают газету красноармейцы Бирюков, Багрецов, Баскин. У каждого -

винтовка со штыком. За столиком пьют вино выпимшие, выпимшая. Из окна доносятся крики и выстрелы

БИРЮКОВ (*читает*). Блюхер – бывший сормовский рабочий, председатель Челябинского ревкома, объединив под своим командованием несколько разрозненных красноармейских и партизанских отрядов, совершил дерзкий переход в полторы тысячи верст по Уралу, ведя ожесточенные бои с белогвардейцами...

БАГРЕЦОВ. Орел!

БИРЮКОВ (*читает*). За храбрость, беззаветную преданность революции и рабоче-крестьянской власти он был первым, кого всероссийский центральный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов представил к ордену Красное Знамя РСФСР... Во как!

БАСКИН. Заслужил! Что тут скажешь?

Дверь в номер открывается, появляется Люлюкин

БИРЮКОВ. Да? А я, по-твоему, не заслужил? Я что, меньше его контр шлёпнул?

БАСКИН. Да ладно тебе, Бирюков, гундеть! Ты вон давай читай лучше. С выражением! А то бубнишь, как пономарь с перепоя.

БИРЮКОВ (*читает*). Президиум ВЦИК постановил: второй орден Красное Знамя присудить товарищу Панюшкину, третий – комдиву Миронову и сделать о них соответствующий доклад на заседании ВЦИК.

БАГРЕЦОВ. А четвертый, я слышал, товарищу Нестору Махно дали.

БИРЮКОВ (*откладывает газету в сторону*). Я вот другого, братцы, не понимаю. Доколе будут награждать одних командиров? Когда ж о нас, простых борцах за дело революции вспомнят?

Бирюков, Багрецов, Баскин замечают Люлюкина

БАГРЕЦОВ. Это еще кто?

Бирюков, Багрецов, Баскин направляют в сторону Люлюкина винтовки

БАСКИН. А ну стоять!

БИРЮКОВ. Ты кто такой будешь?

ЛЮЛЮКИН. Люлюкин.

БАГРЕЦОВ. Из бывших?

ЛЮЛЮКИН *(после паузы)*. Выходит, что так, из бывших... Ну, да, всё у меня теперь в прошлом – деньги, что на ордена потратил, женщина, любовь к ней. Ничего за душой не осталось – пусто.

БИРЮКОВ. Ты это чего?

ЛЮЛЮКИН. Плохо мне, братцы. Я тут такого натворил – правнукам не расхлебать.

БАГРЕЦОВ. Убил кого?

ЛЮЛЮКИН. Хуже.

БАСКИН. Дело революцию предал?

ЛЮЛЮКИН. Еще хуже.

БИРЮКОВ *(ахает)*. Неужто комиссара по матушке послал?

ЛЮЛЮКИН. Если бы.

БИРЮКОВ. Так что ж ты такое сотворил? Расскажи!

БАГРЕЦОВ. Расскажи! Облегчи душу! По себе знаю: иной раз помогает.

БАСКИН. Ты, браток, вот что. Ты, давай-ка, сюда проходи. *(Подводит Люлюкина к стойке.)* Здесь теплее. *(Яков.)* Налей-ка, товарищу поплоней! Не видишь, худо ему!

Яков наливает полный стакан, Люлюкин выпивает, закусывает

ЛЮЛЮКИН. Ну да ладно, слушайте... В общем, хотел я мир сделать лучше... Дай, ду-мал, дам человеку власть, пусть он ею вволю попользуется во благо себя и близких.

БАСКИН. А он чего ж?

БАГРЕЦОВ *(Баскину)*. Не перебивай!

ЛЮЛЮКИН. А он все испортил. Всё! Стал других себе подчинять, уничтожать их, безобразничать. Ни одной юбки не мог пропустить... Да дело даже не в юбке, а в том, что он не понял, для чего ему власть дана! Как он ей распорядиться должен!

БИРЮКОВ. Они, командиры, такие. Уж я-то на них в гражданскую наглядился.

БАСКИН *(Люлюкину)*. Надо было тебе другому власть дать.

ЛЮЛЮКИН. Дал и другому. Но тот и вовсе оказался никчемным.

БАСКИН. И таких у власти терпеть нечего.

ЛЮЛЮКИН. Я тогда другому дал, третьему.

БАСКИН. А он что?

ЛЮЛЮКИН. А он, третий, историю России хотел вспять повернуть. Ну, разве так с ней можно? Это ж не шутка! История, конечно, дорогу себе в конце концов выправит, но сколько при этом крови прольется? В общем, и у него пришлось власть забрать.

БИРЮКОВ. Надо было её бабе дать. Бабы, они спокойней нас – у них только дети да хозяйство на уме.

ЛЮЛЮКИН. Я тоже так думал. Дал одной женщине власть. Так она – представляете! – вместо того, чтоб мир прекрасней сделать, стала мужчинам мстить за то, что не могла им противиться! Ну а главное, и женщина эта, и все остальные, детьми и внуками не занимались – таких уродов вырастили, что сами б в молодости за одну толику совершенными ими грехов к стенке б поставили!

БАГРЕЦОВ. Тогда и у нее надо было власть отнять!

ЛЮЛЮКИН. Отнял.

БАГРЕЦОВ. Правильно! Молодец!

БИРЮКОВ (*Багрецову*). Помолчи! Ты вот что, товарищ Люлюкин. Ты человек, сразу видать, трезвый, совестливый, ты, считаю, должен был эту власть себе оставить.

БАСКИН. Правильно!

ЛЮЛЮКИН (*вздыхает*). Оставил. Да только в России трезвые и совестливые люди во власти не приживаются. Нет там места для совести – там, видно, другая доблесть в цене, нам не даденная... Да о чем тут говорить! (*Якову*.) Налейте-ка мне еще грамм сто.

БАГРЕЦОВ. Всё это ты, товарищ, хорошо рассказал, красиво. А теперь расскажи-ка ты нам о том, откуда в тебе власть такая – другим власть давать?

БАСКИН. Да? Откуда?

Яков наливает, Люлюкин выпивает. Звуки пальбы слышатся сильнее

БИРЮКОВ (*оборачивается к окну*). Что там еще такое?

ЛЮЛЮКИН. Забыл предупредить. Антоновцы город взяли. Скоро сюда поручик Тумаков со своими партизанами явится.

БИРЮКОВ (*смотрит в окно*). Точно! Бежим!

Бирюков, Багрецов, Баскин выпрыгивают в окно

ЯКОВ (*Люлюкину, после паузы*). Еще налить?

ЛЮЛЮКИН. Хороший вы человек... Знаете что? Давайте-ка, я вас орденом Красное Знамя награжу. Будете у нас героем гражданской войны. А что? Ваше имя дадут гостинице какой-нибудь, ресторану, фабрике. (*Достает из кармана орден.*) Фабрику, правда, потом обанкротят и закроют, зато все остальное просуществует много лет.

ЯКОВ. Вы бы закусили.

ЛЮЛЮКИН. Спасибо. Если можно, налейте еще сто грамм.

Яков наливает в стакан. Рассматривает орден

ЯКОВ. Спасибо за предложение. Но... Не мое это. Мне, знаете ли, коммерция ближе – что-то где-то купить, кому-то что-то продать. А политика... Нет уж. Увольте.

ЛЮЛЮКИН. Жаль. Я на вас рассчитывал.

ЯКОВ. А вы вот что... Продайте его.

ЛЮЛЮКИН. Продать? Зачем? Что вы с ним будете делать?

ЯКОВ. Хранить. Сейчас этот орден ничего не стоит. Но придет время и за него можно будет хорошие деньги взять.

ЛЮЛЮКИН. Дело ваше. Не хотите быть награжденным – берите бесплатно. Дарю!

Люлюкин выпивает и шатающейся походкой подходит к выпившим. Обнимает за плечи

ЛЮЛЮКИН. Ну что? Всё сидим?

1-ый ВЫПИМШИЙ. Дык... А чо делать-то?

ЛЮЛЮКИН. Как что? Сходили б куда-нибудь, встретились с приличными женщинами, пообщались.

2-ой ВЫПИМШИЙ. Развратом предлагаешь заняться?

ЛЮЛЮКИН. Почему развратом?

1-ый ВЫПИМШИЙ. Не получится. Что для тебя разврат, для нас давно – медицинская процедура. Так что, иди своей дорогой! Не приставай!

Люлюкин направляется к номеру. С полдороги возвращается

ЛЮЛЮКИН (*Вытимшим*). У меня такое ощущение, будто вы в России всегда были, есть и будете. Вы как постоянно мутирующие тараканы – мамонтов пережили, теперь и нас, нормальных людей, потихоньку век за веком переживаете. (*Ехидно.*) Кстати! Вы мамонтов случайно не застали?

Вытимшие удивленно переглядываются

1-ый ВЫПИМШИЙ. Мамонтов? Что-то о таких не слышал.

ВЫПИМШАЯ. И я не слышала. Вот монголы, да, были.

2-ой ВЫПИМШИЙ. И крымские татары тоже.

1-ый ВЫПИМШИЙ. И поляки.

ВЫПИМШАЯ. Поляки не один даже раз.

2-ой ВЫПИМШАЯ. И немцы.

ВЫПИМШАЯ. Ну, те, вообще, без счету.

1-ый ВЫПИМШИЙ. И еще французы. Два раза.

2-ой ВЫПИМШИЙ. А вот мамонтов нет, кажись, не было.

ЛЮЛЮКИН (*после паузы.*) Издеваетесь?

1-ый ВЫПИМШИЙ. Да нет, мамонтов точно не было.

Люлюкин удрученно машет рукой и шатающейся походкой входит в комнату. Дверь закрывается. Свет гаснет, раздается громкий скрежет

Действие шестнадцатое

Старинные часы на стене показывают 20 часов 15 минут. Под часами – закрытая дверь в номер. Плохо освещенное фойе пусто. За стойкой – манекен с лицом Якова. Рядом – манекены с лицами Корольковой, Бирюкова, Багрецова, Баскина. За столиком – манекены с лицами вытимших. На столике – пустая бутылка. Манекены с лицами Тумакова и двух партизан стоят в стороне. За манекеном с лицом Багрецова стоит табурет. Над табуретом свешивается веревка с петлей. Дверь в номер открывается, появляется Люлюкин

ЛЮЛЮКИН. Не понял: где народ?

Люлюкин смотрит на настенные часы. Шатающейся походкой проходит мимо манекен

Никого... Одни манекены...

Останавливается у манекена с лицом Корольковой

Привет, любимая... Что-то ты сегодня неважно выглядишь... Понимаю: залапали тебя за столько-то лет, пообтерли, пообтаскали...

Гладит манекен с лицом Корольковой

А я по тебе скучал... Не веришь? Думаешь, раз встречался с тобой, разговаривал, значит, и скучать не мог? Мог... Я, может, из эпохи в эпоху для того и переходил, чтобы тебя увидеть. Думал, встретишь меня, улыбнешься, скажешь: *(Подражает голосу Корольковой.)* а ты ничего, симпатичный, коснись меня, мне не жалко... И мне б не жалко тебя касаться всю жизнь, если б другие не лапали...

Люлюкин подходит к манекену с лицом Бирюкова

Бирюков... Кто ты, товарищ? Красноармеец, волк, выгрызающий врагов советской власти, единоличный хозяин города или крестьянин-поденщик?.. Молчи! Я знаю, что ты скажешь? Ты скажешь: *(Люлюкин заходит за спину манекена с лицом Бирюкова, говорит, подражая его голосу.)* когда меня оденут в форму красноармейца, я красноармеец; когда сунут в кожаную тужурку волка, я волк; когда облачат в костюм мэра, я – единоличный хозяин города. Работа у меня такая... *(Своим голосом.)* А вот тут ты, Бирюков, врешь. Врешь! Не работа у тебя такая – склонности у тебя такие. Вон, Баскин, посмотри на него, тоже орден получил, а ничего плохого никому не сделал.

Люлюкин подходит к манекену с лицом Баскина

Правда, ничего хорошего он тоже не совершил. Но тут уж, как говорится, выбирать не приходится... Хотя, как на это дело посмотреть. *(Люлюкин заходит за спину манекена с*

лицом Баскина, говорит, подражая его голосу.) Если б еще дружки-товарищи, Бирюков с Багрецовым его не портили, так был бы идеальным.

Люлюкин возвращается к манекену с лицом Бирюкова, говорит из-за спины, подражая его голосу

Да. На глазах родной матери портим хорошего человека.

Люлюкин подходит к манекену с лицом Багрецова, говорит из-за спины, подражая его голосу

С пути истинного сбиваем...

Люлюкин хлопает манекен Багрецова по спине

А ты молодец! Отдал меня своей землячке, решил, будто полюбился я ей. *(Говорит, подражая голосу манекена с лицом Багрецова.)* Для него это похуже всякого расстрелу будет!

Люлюкин возвращается к манекену с лицом Баскина, говорит из-за спины, подражая его голосу

Точно! К такой бой-бабе живым в руки лучше не попадаться!

Манекенам. После паузы

Дурачьё вы пластиковое – ничего в женщинах не понимаете. *(Люлюкин стучит указательным пальцем по голове манекена.)* Или не пластиковое? Всё равно, дурачьё...

Люлюкин подходит к петле, смотрит на нее

Вы мните себя героями, считаете, что заслуживаете лучшей участи, и потому, когда к вам приходит власть, принимаете это как должное. А невдомек-то вам – пластиковым лбам,

что власть сама ни к кому не приходит – ее дают, причем, как правило, тем, кто случайно оказался под рукой.

Люлюкин поднимается на табурет

Вы возомнили себя баловнями судьбы. Но вы не баловни, нет. Вы – манекены. Ряженые. Баловни судьбы, это мы! Это у нас, тех, кто наряжает и награждает, настоящая власть. *(Надевает петлю на шею.)* Но как же эта ноша – наряжать и награждать – тяжела, вы бы только знали! А, главное, она не приносит счастья. Да-да! Власть ничего не приносит, кроме глубокого разочарования в ней... *(Пауза.)* Странно, что только сейчас, стоя на вершине могущества, я заметил, как хорошо и привольно живется вам, манекенам. Вы не свободны и оттого всегда чисты перед богом. Вы исполнители чужой воли, а стало быть, лишены угрызения совести. Вам, нищим духом, уготовано царство господне... *(Плачет)* Знали бы вы, как я завидую... Как хочу быть среди вас... быть вами...

Люлюкин сдергивает веревку с потолка. Спускается с табурета

Примите меня к себе... Я не хочу власти, мне достаточно ее атрибутов... Пожалуйста!

Люлюкин подходит к сидящим за столиком манекенам с лицами выпимших

Подвиньтесь, дайте сесть. Да подвиньтесь, кому говорят! *(Растолкав манекены, Люлюкин садится за стол. Нюхает горлышко пустой бутылки.)* Фу! Какая дрянь! *(Осматривается.)* Тихо тут, благостно... будто все умерли. Хорошо... *(Закрывает глаза, тихо напевает.)* Ах, как нам хочется, как всем нам хочется, не умереть, а именно уснуть...

Люлюкин засыпает. Входная дверь открывается, входят Петрович с Покупателем. Петрович включает свет. Люлюкин с манекенами выпимших остается в тени

ПЕТРОВИЧ *(Покупателю)*. Проходите, смотрите, спрашивайте, что вас интересует, не стесняйтесь... Вот это основное помещение, площадь семьсот девяносто два квадратных метра. Там *(Машет рукой в сторону.)* подсобки, кабинет завсклада, туалет, кухня...

Покупатель открывает дверь в номер

ПОКУПАТЕЛЬ. Петрович! А тут что?

ПЕТРОВИЧ. Раньше, когда было что охранять, в этой комнатке сидели сторожа.

ПОКУПАТЕЛЬ. Что? Было и такое время?

ПЕТРОВИЧ. Обижаете! В начале девяностых весь этот склад был доверху забит товаром. Чего здесь только не хранилось – одежда, белье, мебель, оборудование для баров и ресторанов... Куда всё только подевалось, непонятно.

ПОКУПАТЕЛЬ. Говорят, золотые были времена. Начальная фаза капитализма.

ПЕТРОВИЧ. Да... Что вы собираетесь здесь открыть, если не секрет?

ПОКУПАТЕЛЬ. Мы, Петрович, с женой решили гостиничным бизнесом заняться.

ПЕТРОВИЧ. Во как! Гостиничным бизнесом! Не больше, не меньше?

ПОКУПАТЕЛЬ (*смеется*). Нет, это, конечно, громко сказано... Так, открыть маленький отель, в пять, шесть номеров, не больше.

ПЕТРОВИЧ. Ну что ж, хорошее дело. Кстати, до революции на месте этого склада находился постоялый двор.

ПОКУПАТЕЛЬ. Что вы говорите? Надо же, какое совпадение.

ПЕТРОВИЧ. Ну, не такое уж, если вдуматься, и большое. Тут, как-никак, центр города, сразу за улицей Деникина – вокзал...

ПОКУПАТЕЛЬ. Деникина? Вы сказали: за улицей Деникина?

ПЕТРОВИЧ. Кто сказал: Деникина? Я? Нет, я сказал: Блюхера. Сразу за улицей Блюхера – вокзал.

ПОКУПАТЕЛЬ. Значит, мне послышалось. Извините.

ПЕТРОВИЧ. Так что никакого совпадения, считаю, нет. Гостиничный бизнес во все времена стремился занять лучшие места в городе... Вы ведь тоже, как я посмотрю, ищите помещение не на окраине? Не так ли?

ПОКУПАТЕЛЬ. Ну да... А у вас часы стоят.

ПЕТРОВИЧ (*смеется*). Нам бы с вами столько постоять, сколько они. Никогда в рабочем состоянии их не видел. Выкинуть бы, да всё руки не доходят.

ПОКУПАТЕЛЬ. Нет, нет, нет, Петрович, пожалуйста, не трогайте! Я хочу их оставить – думаю, они прекрасно впишутся в интерьер моего постоянного двора... Да! Именно так я и назову свой отель – «Постоялый двор»!

ПЕТРОВИЧ. Так вы что... Покупаете?

ПОКУПАТЕЛЬ *(после паузы)*. Как скоро вы освободите помещение?

ПЕТРОВИЧ. Да хоть сейчас! Долго ли это барахло свезти на свалку? Три минуты! У меня и машина на ходу... Ну, так что? Решились? Прикажете вывозить?

ПОКУПАТЕЛЬ *(после паузы)*. Вывозите!

Петрович и Покупатель обмениваются рукопожатием

ПЕТРОВИЧ *(кричит)*. Эй! Ребята! А ну выносите всё отсюда! Чтоб ничего здесь не осталось – подчистую!

ПОКУПАТЕЛЬ. Часы не троньте! Они мои!

Рабочие сцены выносят мебель, посуду, манекены. Последним вперед ногами выносят манекен с лицом Люлюкина. На шее манекена – незатянутая петля

ПЕТРОВИЧ *(рабочему сцены)*. Постой! А это что за манекен? Что-то я такого не припомню... Петля на шее... Откуда? *(Рабочий сцены пожимает плечами.)* Какое у него странное лицо – будто в ад попал... Ну да ладно! Неси в самосвал.

Рабочий сцены уносит манекен с лицом Люлюкина. Петрович оглядывает комнату

Ну, вот вроде и всё... Да. Продал простое помещение, а чувство такое, будто страничку жизни перевернул. Надо бы и следующую перевернуть, да страшно.

ПОКУПАТЕЛЬ. Чего страшно-то?

ПЕТРОВИЧ. Как чего? Вдруг окажется, что впереди – сплошь пустые страницы?

ПОКУПАТЕЛЬ *(оглядывает комнату)*. А я себя чувствую творцом, готовым с чистого листа создать мир, какого еще не было... Вот наклею новые обои, перестелю полы и стану самым настоящим демиургом... Как вы думаете, Петрович, у меня получится?

ПЕТРОВИЧ. Что?

ПОКУПАТЕЛЬ. Создать с чистого листа мир, какого еще не было?

ПЕТРОВИЧ. Не знаю... Вряд ли.

ПОКУПАТЕЛЬ. Почему?

ПЕТРОВИЧ. Стены под обоями старые, да и фундамент под полами малость просел. А так ничего – держайте. Может, что и получится. В общем, удачи вам.

Обменявшись рукопожатием с Покупателем, Петрович выходит

ПОКУПАТЕЛЬ (*оглядывает пустую комнату*). Нет, нет, всё у меня будет хорошо. И фундамент выправлю, и стены подновлю, и жизнь заново переустрою. Главное, чтоб никто не мешал, за прошлое не цеплялся. А с остальным я уж как-нибудь справлюсь.

ЗАНАВЕС